



Артур Пилтакян

Первое ружье, первая любовь

16+

Артур Пилтакян

Первое ружье, первая любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Пилтакян А.

Первое ружье, первая любовь / А. Пилтакян — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Приключения старшеклассников во время каникул в горах Зангезура (Армения). За это время им приходится переживать встречи с дикими животными, змеями и даже с тигром... Движимые любопытством, они находят в горах пещеру, при обследовании оказываются во время землетрясения её заложниками. 3 дня и ночи проведя в ней они спасаются благодаря собаке Джуле, общей любимице. И во всём им помогала дружба и любовь.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Моим дочери Нелли, внучке Татьяне, правнуку Платону

Глава 1

Последний день в школе

Я сижу в классе за партой перед Марией Христофоровной нашим классным руководителем. Яркий солнечный свет заливает комнату. Окна распахнуты. Тёплый ветерок доносит до нас сладковатый запах цветущей акации. Обычного шума нет – начались каникулы. Закончился ещё один учебный год. У меня теперь не полное среднее образование – семь классов. Сам по себе этот факт не кажется мне столь уж значительным, но у меня с ним связаны некоторые надежды. Успешное завершение учебного года у нас дома всегда отмечалось, как небольшой семейный праздник. А чем интересуется каждый из нас – я и моя младшая сестра Карина – родители на этих праздниках вручали нам подарки.

Страстью сестры были камни, как она говорила «минералы». Из всех школьных походов или наших «семейных» путешествий, она всегда приносила интересные, по её мнению, образцы и на куске картона, укрепляя проволокой, размещала найденные камни, под каждым писалось его название и указывалось место, где он был найден. К слову сказать, в её коллекции, постоянно пополнявшейся, не было, по моему ни одного стоящего экземпляра. В прошлом году, ценя её увлечение, родители подарили Карине прекрасно изданную книгу академика Ферсмана «Занимательная минералогия» с красочными иллюстрациями, советами любителям – геологам, перечнем снаряжения для экспедиций и так далее.

Что же касается меня, то как и многие мои сверстники, я мечтал иметь ружье, стать охотником, следопытом, выслеживающим зверя по его следам и, главное, метко стрелять. Словом, быть похожим на героев Майн Рида, Фенимора Купера, Корбета. Для меня отец купил в букинистическом магазине два тома старинной, изданной в 1915 году, книги когда-то известного автора Сатунина «Млекопитающие кавказского края» и более современный «Атлас следов зверей и птиц» советского охотоведа А. Формозова. Обе книги были подарены по случаю моего относительно успешного окончания учёбы в прошлом году. Эти книги были мне особенно дороги. Если Карина училась хорошо, частенько пребывая в отличниках, то мои успехи были посромнее, но всё же удавалось заканчивать учебный год без «помарок».

И этот год, хотя и были некоторые шероховатости, должен был, как я надеялся, закончиться для меня хорошо. Но сейчас, сидя перед Марией Христофоровной я чувствую некоторое беспокойство. Почему ей пришло в голову задержать именно меня, когда я уже уходил из школы? Я с беспокойством слежу за ней, пытаюсь понять, куда она клонит. В её руках мой дневник, она листает его, с суровым видом посматривает на меня и говорит, говорит. Пытаюсь вспомнить чем мог провиниться, тем более что, если и были какие-то «неблаговидные» дела то надо бы привлечь к разговору и двух моих друзей, ибо все мы делали сообща. Я слышу, как они разговаривают во дворе. Марии Христофоровне их тоже надо было бы пригласить на «собеседование». Но её внимание, сосредоточенное только на мне озадачивает.

Я сижу перед ней с угрюмым видом, что не производит на неё впечатления. С удовольствием поднялся бы и ушел, но этого, конечно, не сделаю. Пожалуй, стоит признать, что наш класс считался чуть ли не самым бедовым в школе. Больше всего нареканий получали ученики нашего класса, бедным их родителям приходилось постоянно, против желания чуть ли не дежурить в школе. Многие одноклассники закончили этот учебный год с не совсем хорошими записями в дневниках. Угнетающее чувство, что подобное может произойти и со мной, судя по агрессивному тону Марии Христофоровны, не покидает меня. Я уже не слушаю её и думаю о своём.

Наш дом в плане имел форму буквы П, узкой стороной обращенный к улице. По внутреннему его не полному периметру были расположены квартиры соседей, дверями и окнами, выхо-

дившими на веранду, протянувшуюся по всему дому. Напротив нас жил известный в городе человек – заслуженный артист республики, бас оперного театра. Мне не пришлось побывать на спектаклях с его участием, но для меня было важно то, что он был, как принято говорить заядлым охотником. В свободное от театра время он со своим, шоколадного цвета сеттером уезжал из дома на два-три дня, а вернувшись, вывешивал на столбах веранды на всеобщее обозрение добытые трофеи: фазанов, куропаток, вальдшнепов. Такую массу дичи он не донёс бы до дому один. Но ему помогал приятель, тоже артист и охотник.

Соседа звали Армен Леванович, и хотя он был намного старше меня, мы с ним часто общались, разговаривая об охоте, когда при мне он чистил своё ружьё. Двустволку ему подавали в своё время поклонники. На серебряной пластинке, прикреплённой к прикладу, были выгравированы соответствующие слова дарителей. Ложе и приклад ружья были красиво инкрустированы. Однако, идя на охоту, он брал с собой другую, более «скромную» старую двустволку, с которой не один год охотился, так как доверял ей больше. Своё оружие, и то которым не пользовался и «рабочее» ружьё он содержал в идеальном состоянии. Армен Леванович был членом городского Союза охотников. «Знаешь, – как-то сказал он мне, – опера, театр, всё это ерунда, главное для меня – охота». Собака его, которую звали «Альфа», не собачье имя, как я считал, была занятным существом. Выводить её на улицу без поводка было крайне рискованно так, как увидев человека с ружьём, кто бы он не был, она стремглав пускалась за ним. Армен Леванович, вынужденный бежать за ней, поймав, устраивал ей взбучку, что, однако, не давало какого-либо результата. Я думаю, что для нее тоже главным делом была охота.

Армен Леванович, как член Союза, мог раз в квартал получать порцию пороха и дробы, гильзы и пыжи можно было покупать без ограничения. Всё это он получал в магазине «Охотник» неподалеку от нас. Витрины магазина – два больших застеклённых проёма – были заставлены чучелами животных, птиц и даже змей, выглядывающих или выползающих из зарослей. Чучела стояли и в магазине. Часто, идя из школы, мы с моими друзьями – одноклассниками Юрой Осипяном и Володей Катамадзе заходили в этот магазин. Здесь стоял специфический, очень приятный для нас запах: пахло кожей, оружейным маслом, лаком покрывавшим ложе и приклады ружей, расставленных на стендах. В магазине было две секции – «Охота» в правой части помещения и «Рыболовство» – в левой. Продавцом в первой был крупный, черно-волосый, с могучими, густо покрытыми волосами руками мужчина лет тридцати пяти. Мы его между собой называли «Зарбазаном» (по-армянски «пушка»), услышав, как он громовым своим голосом расхваливал покупателю ружьё: «Стреляет как зарбазан!».

Его коллега из противоположной секции ничем не был похож на Зарбазана. Тощий и длинный, с серым унылым покрытыми морщинами лицом, нависшим над лбом чубом, он, когда бымы его не видели, тоскливо смотрел поверх голов посетителей на залитую солнцем улицу, как бы говоря: « что я здесь потерял, удочки, крючки...». Отвечал он на вопросы не сразу и неохотно, как бы экономя слова. Нам он был безразличен, приспособления для ловли рыб нас не интересовали, а про себя мы прозвали его «глиста». Зарбазан, наоборот, был весёлый и шумливый, охотно вступал в разговор с посетителями. Заходя в магазин, мы какое-то время с серьёзным видом разглядывали лежащие на прилавке и под стеклом «охотничьи» приспособления: мерные стаканчики для отсыпки пороха, специальные плоскогубцы для установки капсюля в гильзу, станочек для заправки пыжа и так далее. Наконец, Зарбазан обращал на нас внимание:

«Ну, что-приветствовал он нас весело – на охоту собрались?» – после этого брал со стенда какое-нибудь, ружьё, держа перед нами расхваливал его, показывая, к примеру, как откидывать ствол, чтоб быстро (это очень важно на охоте) вставить патрон, а главное давал нам подержать ружьё. Обычно это была самая «ходовая» у охотников двустволка. Меня же больше интересовала, стоящая в стенде мелкокалиберная винтовка с магазином. Я спросил Зарбазана сколько патрон вмещает магазин, и он, тут же взяв ружьё дал его мне, сказав что это пятизарядная

спортивная винтовка, соответственно магазин заправляется пятью патронами. Она выпускается Тульским оружейным заводом под маркой ТОЗ-9. «Проверь, нет ли в ней патронов и только потом щёлкай затвором, запомни это правило, никогда не забывай». Я запомнил эти слова. Держа винтовку в руках, представил себе я, что будь у меня такая, заправив её пятью патронами мог бы раз за разом выпустить все пять пуль по убегающему от меня зверю. Правда, что это мог быть за зверь я не очень себе представлял. Эта винтовка с массивным, вороненым стволом, казалась мне прообразом тех карабинов, винчестеров с которыми охотились герои моих любимых книг. «Хорошее ружье, особенно для спортивной стрельбы» – расхваливал винтовку Зарбазан.

Но тут произошла, по моей вине, досадная вещь. Желая ещё что-то спросить я машинально обратился к нему со словами – «Дядя Зарбазан..» и хотя тут же прикусил язык, но было уже поздно, тем более, что рядом со мной подленько захихикали Юра с Володей. Но услышав, что у меня сорвалось с языка, оглушительно захохотал сам Зарбазан. Я, испытывая некоторую неловкость, молчал, но выручил меня он: – «Ну, ты молодец» – продолжая смеяться проговорил он – «как ты меня назвал, Зарбазан? Обязательно дома скажу! А что, не плохо звучит, а почему Зарбазан?». Мы, смущаясь, объяснили ему откуда появилось это прозвище. Он понимающе кивнул и сказал: «Я на вашем месте наверное тоже придумал бы такое, а вообще – то меня зовут Варган». Когда мы уходили, он пожал каждому руку. После этого мы, заходя в магазин, обращались к нему по имени, да и между собой не называли больше Зарбазаном.

Здесь следует сказать, что в ту пору купить охотничье ружье, или, например, внушительных размеров охотничий нож в кожаном чехле, было так же просто, как детский велосипед. Не требовалось никаких справок, бумаг. Только, если приобретший оружие являлся членом Союза охотников, в его членском билете делалась соответствующая запись. Иногда мы встречали Варгана, возвращавшимся с охоты. Он был одет в живописный «охотничий» костюм за плечём у него висело зачехлённое ружье, справа у бедра охотничья сумка, к поясу слева были подвешены за ноги добытые трофеи – несколько уток. Рядом бежала, весело поглядывая на хозяина его собака. Варган шёл сосредоточенный, даже можно сказать, важный, однако, заметив нас многозначительно нам подмаргивал, продолжая свой путь. Дома я несколько раз пытался рассказать отцу о полюбившейся мне винтовке, но он, как говорится, пропускал это мимо ушей.

Вдруг до меня, словно издалека, доходит голос Марии Христофоровны – «А галоши?» – да, уж эти галоши! Теперь-то я понимаю, что с ними получилась нехорошая история. Учитель химии Михаил Михайлович не большого роста человек, всегда зябнувший, ходивший зимой и летом с шарфом вокруг шеи, в некоторые дни недели вёл два первых урока. Приходил он в класс в резиновых галошах, снимал их в углу, а после второго урока надевал и уходил. У кого-то из нас возник дьявольский план. Я принёс из дома несколько гвоздей с широкой шляпкой, Володя – молоток и на перемене между уроками, когда Михаил Михайлович уходил из класса, а галоши оставались, Юра старательно приколотил их к полу. В течение второго урока в классе было непривычно тихо, на что обратил внимание Михаил Михайлович, с удивлением оглядывая класс. Мы же, втайне потешаясь, ждали, когда кончится урок.

Наконец прозвенел звонок. Михаил Михайлович подошел к прибитым галошам, просунул было ногу в одну и, видимо сразу сообразив, что проделали с ними, высвободил её и, не сказав ни слова, быстро вышел из класса. Мы ожидали совсем другого: возмущения, угроз, шума, и теперь растерянно молчали. Две наши шустрые подружки выскользнули из класса, поспешили за ним и вернулись с озабоченным и даже смущённым видом. Они рассказали, что Михмих (мы так его называли) в одиночестве сидит в учительской и нервно курит одну за другой папиросы, при этом руки у него заметно дрожали. Стало понятно, что дело принимало скверный оборот. Отодрать на совесть прибитые галоши не удалось – их только разорвали. Спешно были собраны деньги и откомандированы с остатками галош наши две «разведчицы»

купить, как можно скорее новые. Начавшийся урок географии класс просидел в молчании. Елена Абгаровна, учитель географии, с удивлением вглядывалась в непроницаемые лица учеников, но так и не поняв, что произошло с классом, с выражением недоумения на лице закончила урок и поспешно ушла. К этому моменту появились с новыми галошами того же размера наши девочки. Гурьбой, с галошами в руках мы дошли до учительской, потолкались у дверей, затем негромко постучав, осторожно вошли в комнату.

Как назло, тут же, разбирая тетради, сидела Мария Христофоровна. Подняв глаза она, поморгав, уставилась на нас. Сбивчиво, кое-как мы извинились перед Михмихом и положили к его ногам новые галоши. Наверное, первый раз мы увидели его смущенным и как-то неуверенно улыбающимся: – «Ну что уж, ребята, ну ничего» – сказал он примирительно, и всё бы закончилось благополучно, не окажись тут Мария Христофоровна. Будучи человеком строгим и принципиальным, она стала выяснять, что произошло. И хотя Михаил Михайлович пытался обернуть всё в шутку, она, не слушая его взялась за нас. Надеюсь, что полученное от него прощение может обезопасить нас, мы стараясь не сболтнуть лишнего стали отвечать на вопросы Марии Христофоровны. Когда картина произошедшего ей стала понятна, она потребовала, чтоб мы, то есть я, Юра, Володя и две наши девочки в ближайшие дни предстали перед педагогическим советом.

Нам удалось убедить её, что девочки не виноваты и на педсовете (так сокращенно называли этот «орган») обсуждали нас троих. Наши действия были единогласно признаны хулиганскими. Марии Христофоровне предлагалось обсудить их на классном собрании. Михаила Михайловича на педсовете не было. На следующий день на собрании в классе Мария Христофоровна, несколько поостывшая, ограничилась краткой речью, закончившейся предупреждением в наш адрес. Тем дело и кончилось.

Сейчас же упоминание о галошах, об истории, которая казалось бы забылась, мне показалось несправедливым, но спорить с Марией Христофоровной я не решился, тем более, что она уже переключилась на другое. Она по-прежнему, поглядывая на меня, сыпет словами. Я молча сижу и перестаю её слушать, вспоминаю только, что торчавшие из пола гвозди мы забили. Смотрю в окно на школьный двор, на дерево с густой уже ярко зелёной кроной. Его посадил много лет назад, живущий при школе сторож с громкой фамилией Великий. Роста он был небольшого, ниже многих старшеклассников. Звали его Константин Константинович, но кто-то, когда-то, сократив число букв, назвал его Коковел. Получилось проще и самому сторожу пришлось, видимо, по душе новое прозвище, он не обижался когда его так называли. Я даже слышал, как одна родительница обратилась к нему по какому-то поводу со словами Коковел Константинович. Посаженное им дерево было акацией, однако, её давно переименовали и нарекли дубом, дубом Петра Великого.

Это было многострадальное дерево! Не одно поколение школьников упражнялось в метании перочинных ножей, нещадно вонзая их в ствол, многие влюблённые вырезали на его коре имена любимых или гордо оставляли свои собственные. А когда на ветках созревали коричневые стручки, длинные и широкие, как кухонный нож и сладковатые на вкус, на дерево забирались, подсаживая друг друга, многочисленные сборщики урожая. Несмотря на всё это, акация пышно разрасталась. Я вижу у дерева Юру и Володю. Они стоят с макетом винтовки образца 18...какого – то года, незнаю почему-то называемой «трехлинейкой». Это точная её копия с намертво закреплённым штыком. Видимо, друзья каким-то образом взяли её в кабинете «военного дела». Тогда во всех школах были такие кабинеты, где мальчиков знакомили с основами военного дела, а из девушек готовили будущих санитарок на случай войны, о которой никто всерьёз и не думал.

Мои друзья разучивают приёмы рукопашного боя. Володя держит ружье наперевес. Слышен протяжный голос Юры: <<Шты...и...и.. ком, коли!>. Володя с размаху всаживает штык в дерево. Вот уж, действительно сила есть... Выдернуть штык он уже не может. За винтовку хва-

таются оба. Они раскачивают её из стороны в сторону. У меня вырывается: «Дураки! Они же сломают штык!» «Ну, это безобразие – возмущённый голос Марии Христофоровны – ты меня совсем не слушаешь!» Я что-то пытаюсь сказать о недопустимой порче школьного имущества. Но тут Мария Христофоровна сама с недовольным видом подходит к открытому окну, чтоб прикрикнуть на ребят и в этот момент им общими усилиями удаётся выдернуть штык, оба падают на спину. Пряча улыбку, Мария Христофоровна возвращается к столу. Она опять начинает говорить, тут ручка двери осторожно поворчивается, дверь приоткрывается и в класс входит, приветливо помахивая хвостом Далила.

«Вот!» – В голосе Марии Христофоровны слышится торжество – она показывает на собаку. Та заглядывает под стол, не спеша поворачивается, так же благодушно смотрит на нас и выходит из комнаты. – «Ну, что можешь сказать?». Мне сказать нечего. Ещё в начале прошлого учебного года учитель пения Александр Максимович принёс в школу очаровательного щенка, больше похожего на медвежонка. Учителя окружили школьники, каждому хотелось дотронуться до щенка, удалось это и мне – шерсть его была на редкость шелковистой. Возможно, щенку не дали выспаться, он мрачно поглядывал по сторонам. Александр Максимович вызвал Коковела и, не спрашивая согласия, вручил ему щенка, сказав: – «Имей ввиду, ты отвечаешь за него головой и другими органами». Но можно было этого не говорить, так как тот поспешно и с радостью схватил собачку и, прижав к себе, стал поглаживать её по голове. Позже выяснилось, что родителями щенка были ньюфаундленд и кавказская овчарка. От родителей он унаследовал характер первого: и выросший отличался добродушием и мягким нравом.

Александр Максимович, был, если верить слухам, когда-то оперным артистом. Во всяком случае, на своих уроках он увлекательно рассказывал о разных музыкальных спектаклях и, даже пел, его тайком приходили слушать и учителя. Не удивительно, что щенка назвал он именем героини любимой оперы «Самсон и Далила». Но Коковел, да и школьники называли собачку Данилой, а со временем и вовсе Даней. Коковел соорудил небольшой домик для щенка, но тот рос, как говорится, не по дням а по часам, Коковелу поэтому приходилось всё время перестраивать конуру, расширять её, подымать «потолок». Когда же Далила стала размером с телёнка, Коковел бросил это занятие и пустил ее в свою комнату на первом этаже.

Она спала на коврике около его кровати и ежедневно к восьми часам утра выходила встречать учеников. Каждый готов был отказаться от завтрака, который принёс с собой, в пользу Далилы, но Коковел строго следил за тем, чтоб этого небыло – «Вы мне испортите желудок!» – горячился он имея ввиду, конечно не себя. Общительная и ласковая, Далила позволяла первоклашкам садиться на неё и с пониманием дела катала их по двору, ребяташки выстраивались в очередь. Но увидев дерущихся мальчиков, даже старшеклассников, она мгновенно подбегала к ним, протискивалась между ними, а если драку не прекращали она подымалась на задние лапы, упиралась передними в грудь более агрессивного и щелкала зубами перед самым его носом. Можно сказать, что с появлением Далилы дисциплина в школе на переменах значительно улучшилась. Очень заботился о собаке Коковел, частенько, одев на неё ошейник, он выводил её на поводке погулять по ближайшим улицам. Многие просили его продать Далилу, предлагались большие деньги, но Коковел был на высоте и с презрением отвергал эти просьбы. Домой к себе, то есть к Коковелу, Далила ходила сама: лапой нажимала на ручку двери и когда та приоткрывалась, входила в комнату.

Глядя, как она справляется с дверью, нам, мне, Юре и Володе, одновременно пришла в голову идея! Весь класс горячо поддержал нас. За короткое время мы научили Далилу открывать дверь нашего класса, подкладывая под стол преподавателя кусок колбасы, мы давали ей понять, что каждый раз, открыв дверь и войдя в класс, она найдёт под столом угощение. Надо ли говорить какой она была понятливой! Класс, как все думали, вдоволь повеселится. Дождались первого урока, вела его Елизавета Фёдоровна, женщина средних лет, преподаватель немецкого языка. Она начала было читать текст задания, когда дверь медленно открылась

и в класс вошла Далила. Елизавета Фёдоровна остановилась, глядя на собаку, замер и класс. Далила, приветливо поглядывая по сторонам, подошла к столу, нашла небольшой (чтоб быстро съела!) кусок колбасы, попросту проглотила её. В тот же миг, как было условлено, несколько ребят и, конечно, мы трое, поскакав с мест, кинулись к ней, аккуратно подняли её над головами и медленно понесли из класса под нестройное но громкое пение похоронного марша другими учениками.

Когда мы вернулись, Елизавета Фёдоровна, пристально посмотрев на нас, спокойно сказала: – «Ребята, чтоб этого больше небыло» – и продолжила урок. Ожидаемого веселья не получилось. Дело обернулось хуже на уроке математики. Преподавал этот предмет желчный, начисто лишенный юмора учитель Ефрем Нилыч. Как только Далила вошла в класс, чего мы с нетерпением ожидали, он замер, видимо, не сразу сообразив как поступить. Пока он думал, Далила подошла к столу, где для неё была припасена новая порция. Далее всё повторилось как на уроке Елизаветы Фёдоровны. Ефрем Нилыч всё это молча вытерпел, кое как закончил этот урок и быстро вышел из класса. Но у него был ещё один урок. Пока шла перемена Далиле дали понять, что её ждёт новая порция колбасы.

На второй урок Ефрем Нилыч пришел мрачный, однако, начал его как обычно. Но не прошло и десяти минут, как Далила появилась снова. В тот же миг лицо Ефрема Нилыча из зеленого стало красным. Когда мы кинулись к Далиле он, опередив нас на большой скорости умчался из класса. Побежавшие за ним «разведчицы», быстро вернулись озабоченные и рассказали, что он буквально ворвался в кабинет директора и из всех слов, которые он там выкрикивал, они слышали многократно повторяемые: – «Или я, или собака!».

Так завершился хорошо, как мы считали, задуманный и исполненный, безобидный спектакль. После этого начались репрессии. Всех, кого подозревали в организации «спектакля» и, конечно, нас троих, проработали на педсовете, и никто не посчитал происшедшее забавным или остроумным. Только учитель пения поинтересовался, как долго дрессировали Далилу, а когда узнал, что два дня, горделиво заявил: – «Вот какая умная собака!», «И глупые ученики» – тут же злорадно вставил Ефрем Нилыч. Дело закончилось последним предупреждением. Далила, естественно, попрежнему захаживала на уроках в классы, но поняла, что угощения не будет, а мы уже не вскакивали с мест, если она появлялась в нашем классе. И вот теперь Мария Христофоровна вспомнила ещё и эту подзабытую историю.

Я угрюмо молчу и думаю, что несправедливо, если эти два эпизода – галоши и Далила – перевесят мои с большим трудом лученные, как я считал, хорошие отметки, проставленные в дневнике по итогам закончившегося учебного года. Естественно меня это возмущает, но спорить с Марией Христофоровной нет смысла. – «Ну, ладно – неожиданно говорит она – пойдём». Мы выходим из класса. Я молча иду рядом. Уже на улице она протягивает мне дневник, и вдруг, улыбаясь говорит: – «Позавчера звонил твой папа, я сказала ему что у тебя всё хорошо». Милая Мария Христофоровна! Зачем же так долго надо было так играть со мной! Беспокойство, которое охватывало меня минуту назад прошло!

Я смотрю на неё и кажется только теперь замечаю какое у неё доброе лицо, ясные, с весёлыми искорками глаза, мне хочется сказать ей что-то тёплое, от души, но не получается. – «Желаю тебе хорошо провести каникулы» – говорит она. – «А я желаю вам – искренно вырывается у меня – отдохнуть от нас за это время!». Мария Христофоровна смеётся: – «Я, между прочим, и не уставала, ну иди домой, тебя наверно ждут» – говорит она, как показалось мне, многозначительно, отдаёт дневник и легонько подталкивает меня. Мы расстаемся.

Глава 2

Первое ружье

Улица от школы к дому полого спускается и разделяющие нас три квартала обычно я преодолевал за считанные минуты. Прибавляю шаг, не сдерживаюсь и бегу, пытаюсь сообразить какой, всё-таки, сюрприз ждёт меня дома. Не даром же отец интересовался как у меня дела, позвонив Марии Христофоровне! И это «неполное среднее образование» – успешно завершённое! Я буквально ворвался в квартиру. Отец с неестественно серьёзным видом читал газету, мама на кухне готовила обед, но аромат жаркого, распространившийся по всей квартире не помешал мне учуять необычный в нашем доме, но столь знакомый мне запах оружейного масла! Карина, сидевшая с книгой, хитро посмотрела на меня и глазами показала на другую комнату. Кинувшись туда, я увидел в углу, прислонённую к стене мою «мечту» – пятизарядную винтовку ТОЗ – 9! Рядом на стуле лежала сумка – необходимая часть снаряжения настоящего охотника, называвшаяся не русским словом «ягдташ».

Надо ли говорить, как я благодарил своих дорогих родителей за бесценный для меня подарок! Было время обеда, но категорически отказавшись от еды, я занялся винтовкой. Старательно очистив ствол и другие металлические части от защитной смазки, наносимой на время хранения ружья до его продажи, помня совет Вартана, проверил не заряжено ли оно (всякое могло бы быть). Теперь мне не хватало патронов! Спросить отца не купил ли он их я не решился, посчитав, что сам могу сходить за ними в магазин «Охотник». Вспомнилось, как отец делал вид, что не слышит, когда я каждый раз пытался рассказать ему про очень понравившуюся мне винтовку – получилось что он попросту перехитрил меня! И хотя об охотничьей сумке я ничего не говорил, отец сам решил что охотнику она необходима. Мне же такое в голову не пришло.

Отложив на время ружьё, я взял в руки это аккуратно выполненное изделие из кофейного цвета замши, с декоративной бахромой в нижней части и двумя небольшими наружными карманами. Два таких же кармана было и внутри. В одном находился пузырёк с оружейным маслом, назначение второго мне было понятно. Кроме того имелось два отделения для более крупных предметов. В одном из них лежало шесть коробок с патронами! Как же всё предусмотрел отец! В каждой коробке, вернее коробочке, было 50 патронов – всего 300 штук! Я даже с некоторым испугом подумал сколько же дичи должен был бы настрелять, чтоб израсходовать весь этот запас! Не теряя время, поспешно заправив магазин винтовки пятью патронами я выбежал на веранду и успел выпустить две пули в небо, пока отец не остановил меня: – «Соседей напугаешь!». Но встревоженные соседи уже появились на верандах. – «Это он отмечает успешное окончание семилетки – успокоил их отец, а мне сказал – ты всё же поосторожней обращайся с оружием».

Я вернулся в комнату с ещё приятно пахнущей (для меня!) порохов винтовкой. Решив, что оставлять неиспользованные патроны не следует, я извлёк их из магазина и взялся за ягдташ. В одно из больших отделений положил «Атлас следов животных и птиц» А.Формозова, альбом с чистыми листами для зарисовки следов, которые мог бы обнаружить во время охоты, четыре карандаша и сорокасантиметровую линейку. Пузырёк с маслом переложил в один наружный карман, в другой – компас. Это был минимальный но обязательный набор вещей. Что же касается патронов, которые держать в ягдташе было не так удобно, то я решил воспользоваться старым поясом отца. Полоску брезента шириной чуть больше длины патрона, сложил в гармошку и пришил ее (это была весьма трудоёмкая работа) к поясу, таким образом, чтоб получились отдельные ячейки с внутренним диаметром незначительно меньшим

диаметра пули. Патрон вставлялся в ячейку с не большим усилием и не мог выпасть из неё. Таких ячеек получилось по тридцать, считая от пряжки в одну и другую сторону.

В охотничьем магазине были подобные пояса, назывались они патронташем, но для патронов в несколько раз большего диаметра, чем мои, так что я был вполне доволен своим, в ячейках которого их размещалось 60, чего хватило бы при самой удачной охоте. Признаюсь, однако, что где и когда смогу охотиться я ещё не знал. Но главное – у меня было ружьё! Занятый собой, я не подумал о Карине, а ведь она закончила учебный год «круглой» отличницей! Оказалось, что ей достался небольшой рюкзачёк и спортивного вида комбинизон. Вполне подходящие вещи для любителя – геолога.

На следующий день, с утра пришли ко мне Юра с Володей, посмотреть первые мои «охотничьи трофеи». В более спокойной, чем в «Охотнике», обстановке они «изучили» винтовку, потом с ружьём и коробкой патронов мы спустились во двор. Я, всё же посчитал нужным сказать отцу, что хотели бы там пострелять. Он отнёсся к этому сдержанно, попросив отреагировать должным образом на замечания тех, кого мы, возможно побеспокоим. На глухой стене соседнего дома, выходящей в наш двор мы нарисовали мелом мишень, наподобие изображаемых в тире. Я заправил магазин пятью патронами и отдал по столько же друзьям. Договорились так, что кто быстрее перезарядит винтовку и выпустит пять пуль уложив их в центре мишени тот и будет считаться лучшим стрелком. Некоторые соседи, не занятые делом, с интересом (вполне благожелательным) смотрели на нас с веранд. Право первого выстрела, естественно, было предоставлено мне. Мы отошли от мишени на 54 шага. Большого не позволял наш двор. Я быстро выпустил пять пуль. Считаю, для первого раза мой результат был не так уж плох: все пять сгруппировались в центральной части мишени. Правда и Юра и Володя, оказалось, повторили мой результат. Огорчаться из-за этого не стоило. К нам спустилась тоже пострелять Карина. В своём новом голубом комбинезоне она просто отлично выглядела. Володя во все глаза смотрел на нее, у него даже отвисла челюсть. Мне пришлось шепнуть ему, чтоб закрыл рот. Он торопливо взял из моих рук ружье, попросил несколько патронов, показал Карине как их заправлять в магазин. После всего передал ей винтовку и долго объяснял, с видом знатока, как держать ружье, как прицеливаться и так далее. Мы с Юрой только переглядывались. Но меня поразило с каким вниманием Карина слушала Володю! Когда дело дошло до стрельбы выяснилось, что она добилась тех же результатов, что и мы. Это было не удивительно при столь небольшом расстоянии между нами и мишенью.

Мне между тем тем, хотелось показать ружьё Армену Левановичу. Дождавшись момента, когда он появился на веранде у своей квартиры, я извинился перед своими друзьями и с винтовкой поспешил к нему. Лежащая около двери Альфа, увидев человека с ружьем, с радостным лаем кинулась ко мне. Армен Леванович отлично разбирающийся в нюансах лая своей собаки, тут же вышел из квартиры со словами: – «Кого ты увидела с ружьем?». Мы поздоровались, но, глянув на мою любимую винтовку, он слегка огорошил меня: – «Ну, брат, это совсем не то, что нужно для охоты! Тебе надо было бы купить хоть одностволку большого калибра, а эта...». Я попытался убедить его, что и с таким ружьём можно успешно охотиться, но он только снисходительно смотрел на меня. Словом, мы остались каждый при своём мнении. Чтоб быть, или хотя бы считаться охотником нужен был соответствующий документ, а проще говоря охотничий билет, такой же как у Армена Левановича, являвшегося членом Союза охотников (была такая республиканская организация). Уж очень мне хотелось вступить в этот Союз, хотя по совести говоря нужен был мне не столько он, сколько членский билет. Во мне говорило тщеславие – школьник, а уже охотник!

Я нерешительно спросил Армена Левановича могут ли с таким ружьём, да ещё школьника принять меня в члены Союза. Он отнёсся ко мне участливо: – «Не беспокойся, примут, приготовь две фотографии, как для паспорта, (если не знаешь – 3 на 4 сантиметра) и деньги на вступительный взнос (назвал не большую сумму), вместе и пойдём, я тебя представлю».

Подумав, сказал что в четверг он свободен – «Тебя устраивает этот день?». Меня устроило бы любое время, было немножко не по себе, я извинился перед Арменом Левановичем за беспокойство, но он перебил меня: – «Чепуха, мне всё равно нужно было сходить туда, заплатить членские взносы». Вернувшись домой, я увидел как на веранде Карина, перелистывая книгу академика Ферсмана, рассказывала Володе про минералы. Теперь я был поражён тем, с каким вниманием он её слушал! Юра ушел по своим делам. Я сказал отцу что у меня будет членский билет Союза охотников. «А трофеи когда будут?» – не удержался он.

Долгожданный четверг наступил, я пошел к Арсену Левановичу с некоторым беспокойством: вдруг ему помешают какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, но он уже собиравшись выходить. Я не знал, надо ли брать с собой ружье, оказалось – не обязательно. Правление Союза размещалось в большой комнате старого дома не далеко от нас. Армен Леванович, видимо, часто бывал здесь, поэтому, когда мы вошли, сидевший за столом грузный, немолодой человек с неожиданной лёгкостью вскочил и с чувством пожал ему руку, потом вопросительно посмотрел на меня. Армен Леванович объяснил зачем мы пришли. Вазген, так звали человека, вынул из ящика стола какую-то бумагу и протянул мне. Это была анкета, которую нужно было заполнить. Вазген освободил угол стола, пододвинул стул и дал мне ручку. Поблагодарив, я сел к столу и стал заполнять графы, подчёркнутые Вазгеном. Написав, что было нужно, отдал ему анкету, он просмотрел её, потом попросил фотографии. Одну наклеил на анкету а вторую-в не большую книжку, членский билет Союза, сделал какие-то в ней записи и спросил сколько мне лет. За меня ответил Армен Леванович, прибавив к моим годам ещё два. Вазген записал и это, а так же, с моих слов тип оружия – ТОЗ-9 б/н – что значило «без номера». Затем несколько торжественно поднявшись из-за стола вручил мне мой первый членский билет и крепко пожал мне руку. «Ну, вот ты теперь настоящий охотник» – улыбаясь сказал Армен Леванович. Он какое-то время поговорил с Вазгеном. Потом мы попрощались с ним и ушли.

Я подумал, что уже с полным правом мог называть себя охотником. Членский билет был по сути не большой книжечкой с 45 страничками и довольно многими графами, параграфами. Мы с отцом полистали её, многие пункты в ней не были заполнены, например, охотничий стаж, сведения о собаке, партийность (вряд ли членство в какой-либо партии, имело бы значение для подстрелянной дичи), есть ли в семье ещё охотники и так далее. Приводились выдержки из «Положения ...», в которых указывались сроки охоты на конкретную дичь, говорилось о борьбе с вредными или хищными дикими животными, был раздел, запрещающий торговлю добытыми трофеями и прочее. В отдельной «Памятке» нам понравились такие пункты: «Будь грозой для браконьера, он как вор запускает руку в твой охотничий карман», «Всегда держи ружье в таком состоянии, чтоб никогда не пришлось за него краснеть», и, наконец, последний совет: «Держи только хорошую собаку и обращай с ней ласково, она доставит тебе удовольствие и вознаградит материально твой труд» – трогательная фраза.

Мой отец 25 лет прослужил в авиации, где на «заслуженный отдых» уходили люди, которых вряд ли можно было назвать стариками. Получая вполне приличную пенсию, многие друзья отца находили какую-нибудь «не пыльную» работу, далёкую от авиации и продолжали трудиться. Отец и не помышлял о каком – то трудоустройстве, ибо у него было любимое дело, страсть – рисование. Это слово кажется в какой – то мере примитивным, художники употребляют более серьёзное: писать, писать маслом, акварелью. Отец именно писал свои картины маслом. Его страсть разделяли и мать и мы с Кариной. С раннего детства, на всю жизнь запомнился мне, да и сестре, запах масляных красок. Стены наших комнат и даже веранды были увешаны картинами отца, причём это были не аляповатые творения впервые взявших в руки кисть и мнящих себя художником а вполне зрелые произведения: картины отца успешно демонстрировались на выставках не только в Ереване, Тбилиси но даже в Москве. Много его картин находилось у соседей, знакомых.

Каждый год летом мы всей семьёй отправлялись, как говорил отец, «на натуру», куда-нибудь на природу где он мог заняться любимым делом, а мы – отдохнуть. Поездом, на автобусах, попутных машинах, нагруженные как заправские путешественники, мы объездили, прошли пешком изрядную территорию Закавказья. Понятно, это были трудные, даже считаю, героические походы! Но коренным образом ситуация изменилась, когда у нас появился автомобиль! В те далёкие, предвоенные годы автопромышленность в стране была не столь развита, чтоб выпускать автомобили для продажи населению. Если мотоциклы имелись у многих, то владельцев машин наверно можно было бы пересчитать по пальцам. Я знал только одного человека, имевшего собственный легковой автомобиль, собранный работником государственного гаража из деталей, развалившихся от старости и списанных машин. Вторым был мой отец...

В нашем доме жил большой друг отца, «мастер на все руки» – Георгий Варганович, а проще Жора, как его все называли. В огромном полуподвальном помещении он оборудовал мастерскую. В те несложные времена не ставились вопросы приватизации, аренды – достаточно было согласия жильцов дома. Большую часть времени проводил он в ней, работая то рубанком, то напильником, выбираясь к себе на второй этаж только когда нужно было поесть. Во дворе стоял его старенький мотоцикл Подольского завода, марки ПМЗ. Жора расшифровывал это как Попробуй Меня Завести. Мотоцикл был с коляской. На нём он разезжал по городу, автохозяйствам, не чурался и всяких свалок, откуда привозил приглянувшиеся ему вещи. В мастерской хранилась всякая всячина, кому-то это показалось бы барахлом, но Жора говорил: – «Я не барахольщик, у меня не может быть не нужных вещей!». К нему частенько обращались за помощью не только соседи, но и жильцы домов с улицы, если необходимо было подобрать какую-нибудь деталь или что-то исправить, подогнать под размер и прочее. Часто и мы с отцом пользовались его мастерской, изготавливая раму для очередной картины.

В сорока километрах от города находилась авиабаза, с которой не одно десятилетие был связан отец. На ней один из ангаров использовался как подсобное помещение, до отказа забитое устаревшим аэродромным оборудованием, разрезанными автогенном корпусами отслуживших свой срок или потерпевших аварию вертолётов, отдельными деталями. Её руководство не знало, что делать с таким богатством. Жора, услышав от отца про это, потерял покой: – «Очень хочу посмотреть, что там есть!». Отец был непрочь съездить туда, повидать ещё работающих на аэродроме старых друзей. Выбрали день, уехали утром, вернулись к вечеру.

Я спустился во двор, услышав знакомый рокот мотоцикла. Жора разворачивал его поближе к дверям мастерской. Меня поразило отец: всегда весёлый, он прямо сиял от радости. – «Скоро будем ездить на собственном автомобиле! Пойдём» – ему явно нетерпелось повторить это при матери и Карине. Мы поднялись к себе и тут отец рассказал, что обнаружил на авиабазе списанную с её баланса, требующую ремонта «Эмку». Поясню: в те времена «Горьковский автозавод имени Молотова» выпускал легковой автомобиль марки «М-1» откуда и пошло не официальное его название «Эмка». Начальник авиабазы, давний друг отца, рад был от неё отделаться, даже с условием, что отремонтировать её будут в ангаре.

– «Не совсем понимаю, как можно просто так отдать, а получается подарить другу, пусть даже неисправную машину, что-то тут не чисто – сказала мать, подозрительно посмотрев на отца – и какой требуется ремонт?». – Отец неуверенно ответил, что машина немного помята, но отремонтировать её будет совсем не трудно: – «Мы с Жорой договорились вместе заняться этим». Поскольку мать не отставала от отца с дотошными вопросами, он признался: – «Да, придётся основательно потрудиться», и рассказал, что шофёр авиабазы, известный лихач, не справился с управлением на горной дороге с крутыми поворотами, успел выскочить из машины, а та, несколько раз перевернувшись, сорвалась в пропасть. То, что от неё осталось с большим трудом подняли и привезли на авиабазу. – «И ты ещё думаешь её отремонтировать!?» – не выдержала пораженная мать. – «Конечно» – спокойно ответил отец. Одним из его достойных качеств было то, что задуманное он всегда доводил до конца. В том, что машина будет отремон-

тирована сомнений у меня не было. Иначе думали мать с Кариной. Прав оказался я. Полмесяца, каждый день отец с Жорой рано утром уезжали на базу и возвращались когда наступали сумерки. Жора заодно привозил отобранные из ангара нужные, как он считал, вещи, загружая ими до предела коляску. – «Просто Клондайк – рассказывал он соседям – столько добра и никому не нужно!». Из-за этого отцу приходилось пересаживаться на сиденье за его спиной.

Глава 3

У нас появился автомобиль

Наконец, наступил долгожданный момент: в самый весёлый (не для всех!) день – 1-го апреля, торжественно сигналив во двор въехал отец на отремонтированной «Эмке»! Конечно, не трудно было увидеть, что машина пострадала в аварии и ремонтировали её не мастера своего дела, много дефектов обнаруживалось позже, но какое это имело значение! У нас появился автомобиль! Из-за него у меня как-то пропал интерес к охоте: в будни были занятия в школе, а по выходным дням на своей машине мы всей семьёй отправлялись куда-нибудь подальше от города. Там я мог «оттачивать» своё умение стрелять по цели и в этом добился успеха. Кто-нибудь из моих подбрасывал как можно выше небольшой камень в качестве летящей цели, а я в 9 случаях из 10 «поражал» её! Но отправиться куда-нибудь поохотиться не получалось. Уезжая загород, мы могли брать с собой ограниченное количество груза (еда, одежда, художественные принадлежности). Багажников на крышу или прицепов в продаже не было по той причине, что тогда такие вещи промышленностью просто не производились. А поскольку у нас были запланированы и дальние поездки, устройство для перевозки большего груза было просто необходимо.

Отец посоветовался с Жорой. Нет ничего неожиданного в том, что тот охотно согласился изготовить (вместе с отцом) подобие прицепа: это было намного интереснее, чем ремонтировать старые водопроводные краны. В мастерской на большом листе бумаги отец изобразил общий вид будущего устройства, каким он себе его представлял. Проект, с рядом уточнений был утверждён Жорой. При сборке прицепа использовались фанера и старые трубы, подобранные после ремонта водопровода в нашем районе, а так же колёса от вертолета, привезённые Жорой с авиабазы. С прицепом покончили быстро. Был создан отличный, как нам казалось, образец: длиной около двух метров, шириной – метр сорок, с откидывающимся левым и правым бортом, пригодный как для перевозки груза, так и для ночлега при наших длительных путешествиях. Размеры прицепа были выбраны с учётом такой возможности. Понятно, что более комфортабельное место в кабине автомобиля (на заднем сиденье) предоставлялось женской половине. Кстати, когда ремонтировали машину, отец с Жорой внесли в конструкцию переднего сидения революционное по тем временам изменение: при необходимости его можно было передвинуть вперёд, а спинку откинуть назад, получался своеобразный матрас (как в большинстве современных автомобилей). Изготовили стыковочный узел из двух частей, одну закрепили под днищем машины, вторую на соответствующем уровне на прицепе. Немного огорчило то, что мать с Кариной никак не оценили это изделие. Пробная поездка с прицепом, не имеющим амортизаторы, показала, что в городе его использовать не следует: на асфальтированной дороге, на небольшом ухабе его с шумом подбрасывало а на булыжной мостовой он грохотал так, что прохожие тревожно оглядывались.

Завершив поездку, отсоединённый от автомобиля прицеп откатали в угол двора. И всё же мы с отцом позже очистили его от ржавчины и покрасили краской под цвет нашего автомобиля. Жора из своих запасов дал нам подходящий по размерам кусок брезента, которым мы накрыли прицеп. Путешествовать нам пришлось, как и раньше, без него. На нашей Эмке мы исколесили всё Закавказье. В те далёкие времена, когда между республиками не было фактически ни каких границ, и люди, независимо от национальности относились друг к другу доброжелательно, можно было задержаться на два-три дня у родственников в Тбилиси или у знакомых в Баку. Ветер странствий подгонял отца, он уже поговаривал о «броске на Москву». До неё, как он считал, на нашей машине добрались бы, самое большое за 5 дней, если ехать не спеша. Я был согласен с отцом, уверенный что время от временный он будет просить меня сменить его за

рулём. Автомобиль стал после ружья второй моей страстью! Но мать с Кариной, которым не очень хотелось несколько дней трястись на заднем сиденье, были против такой поездки.

Глава 4

Неожиданное предложение

Однако, планы наши изменились. Отец неважно играл в шахматы, не лучшим шахматистом был и его партнёр – сосед, живший с женой в квартире над нами. У него было гордое имя – Арсен, но жена называла его Ася, так называли его и мы. Он приходил к нам почти каждый вечер, отец поспешно доставал шахматы и они, расположившись на веранде, погружались в игру. Обычно я подсаживался к ним и когда отец собирался сделать неудачный, на мой взгляд, ход осторожно толкал его под столом ногой. Таким образом отец всегда одолевал противника. Но потом Ася догадался, как он всё время выигрывает и потребовал чтоб я во время игры не сидел рядом с отцом. После этого шансы игроков уравнились. Как-то, пока расставлялись фигуры, Ася поинтересовался, где мы собираемся провести лето, скоро у детей каникулы (он посмотрел на нас с Кариной). Но тут началась игра, вопрос повис в воздухе. Два азартных шахматиста сразу увлеклись, мы уже привыкли к их эмоциональному соревнованию, к выкрикам: ах, чёрт., нет уж, извольте... взялся за фигуру двигай её..и так далее. Можно было, не глядя догадаться, кто выиграл – победитель радостно смеялся. Закончив игру, Ася снова поинтересовался, как собираемся провести лето, что планируем. Отец ответил, что хотелось бы на машине съездить в Москву, но пока не решили. Ася пожал плечами: – «По-моему с гораздо большими удобствами можно поехать на поезде».

«Вот-вот, и мы так считаем!» – обрадованные неожиданной поддержкой в один голос воскликнули мать и Карина. Отец начал было спорить – они даже прекратили игру – но Ася привёл веские доводы против такого автопутешествия а потом спросил: – «Почему бы вам не побывать в Зангезуре, красивейшие места, это же армянская Швейцария!», потом добавил: – «Там долгие годы пустует дом моего дяди в небольшой деревушке между Горисом и Кафаном, места малолюдные, нетронутые. Мы с женой туда не ездим, всегда проводим время у дочки с внуками в Сухуми, дядя тем более, живёт с семьей постоянно в Ленинграде, когда-то думал продать дом, потом отдал нам, и многие годы он пустует, вы вполне могли б там пожить, уверен понравится. Без машины туда добраться сложно, а вам, с вашей Эмкой будет проще, для пейзажиста там идеальные места (он посмотрел на отца), а для охотника (кивок в мою сторону) – рай!». «А для нас с Кариной?» – засмеялась мать. – «Будете на месте – найдётся дело». Отец оглядел нас: – «Как?». Помолчали, потом мать нерешительно сказала: – «Насколько это удобно, может Катя (жена Аси)...», Ася досадливо поморщился: – «Говорю же я вам, что всё время проводим у дочки. Вы даже, можно сказать, выручили бы нас, придав дому жилой вид, там есть сарай с какими – то нужными вещами, например, с инструментами, строительными материалами, хотя не убеждён, что это сохранилось за столько лет. В доме две большие комнаты, большая веранда, кухня, есть чердак, чего нет в деревенских домах, еще раз скажу, вы там отлично отдохнёте. Чистейший горный воздух, родниковая вода. Вот с электричеством плохо, не знаю, правда, как теперь...».

Ася поднялся и сказал, что принесёт фотографии. Отец собрал шахматы и посмотрел на нас: – « Вроде бы заманчиво». Вернулся Ася с двумя слегка пожелтевшими фотографиями: – «Вот посмотрите сами». Разглядеть дом, обвитый ползучими растениями, похожими на виноград, было трудно и только двускатная, черепичная крыша, куда они не дотянулись, выделялась на фотографии. Казалось бы, мы объездили все Закавказье, но в деревнях никогда не видели черепичных крыш! Это отметил и отец, сказав Асе: – «Должно быть ваш дядя предпочитал европейскую архитектуру». Типичный деревенский дом с плоской крышей виднелся на заднем плане. Ася сказал, что в нем живут старожилы тех мест дядя Гарегин и его жена тётя Анна, обычные сельские жители, «Хорошие люди!» – охарактеризовал он их. На второй фотографии

тот же дом был показан издалека. – «Ну, что убедил я вас? Повторю, что мы с Катей просто были бы благодарны вам, дом обрёл бы жилой вид, а вы могли бы почувствовать себя полноправными хозяевами. Так согласны?» – закончил он. Я чувствовал, что отца путешествие в Москву уже не привлекает, но всё же так просто отказаться от этого ему не хотелось. Однако, мать уже приняла решение: – «Конечно, спасибо вам, Ася, если это удобно..». Ася не дал её договорить: – «Удобно, удобно – сейчас принесу карту, как туда проехать». Отец остановил его, спросив сколько километров до места. Ася не мог сказать точно: – «Порядка 250–300, если рано утром выедете – к вечеру будете там». Опасаясь, как бы это нас не отпугнуло, он поспешил за картой. Но мы, наоборот, были даже рады уехать подальше, в «глухие» места. «Долго же Асе пришлось нас уговаривать, но ведь он добился своего – смеясь сказал отец – отдых в горах отличный вариант!».

Мы согласились с ним. Вернулся Ася с развёрнутым тетрадным листком: – «Не мог найти карту. Но я вам изображу на бумаге как ехать». О сел за стол, справа и слева – отец и мать, а мы с Кариной, наклонившись над столом смотрели как он «изображает». Обычное дело: на листке не хватило места, Карина принесла большего формата лист бумаги из альбома для рисования. На нём Ася, не спеша, иногда останавливаясь в раздумье, прочерчивал нам путь, попутно объясняя мимо каких населённых пунктов будем проезжать. Кончив «изображать» он ещё раз внимательно просмотрел свою рукописную карту и отдал её отцу: – «Вот держитесь её, никуда не сворачивайте, дороги там вообще-то..», «Что дороги?» – насторожилась мать. Я увидел как отец незаметно ткнул локтем Асю, после чего тот с подъёмом закончил: – «Вообще-то дороги там ничего, неплохие». Мать недоверчиво посмотрела на него. Ася поспешил переменить тему: – «Должен предупредить, что, к сожалению туда надо везти с собой почти все: посуду, керосинку или примус, матрацы, одеяла ну, словом всё что нужно. В доме, насколько я помню, ничего нет». – «Неважно – сказал отец и посмотрел на мать – у нас есть хороший прицеп». Мать промолчала. Ася еще раз сходил к себе и вернулся с ключами. Отдавая их отцу, пояснил какие куда и сказал, что заодно напишет письмо дяде Гарегину, чтоб тот был «в курсе».

Когда он ушел, мы – каждый в отдельности – уселись записывать, что не забыть взять с собой. Проще всего было мне: ружьё, патроны, ягдташ, патронташ и недавно купленный охотничий нож в футляре из жесткой кожи, закрепляемый на поясе. Чуть не забыл охотничий билет. Одежду для меня, так уж повелось отбирала мать, тогда как у Карины это превращалось в целую проблему, она лично выбирала из своего «гардероба» нужные вещи. Потом мы сопоставляли списки вещей, чтоб не упустить чего либо важного.

Позже я стал звонить друзьям, узнать, как они намерены провести лето, а заодно рассказать о наших планах. Юра с матерью поедут в Кисловодск на все каникулы. Володя ещё не знал, но когда я ему сказал куда едем мы, он дико захохотал. Я был ошеломлён. И даже обижен; – «Извини, но что значит твой идиотский смех, что тут смешного?». Продолжая смеяться, он объяснил: – «Название развеселило!». Деревушка, где мы собирались жить, называлось скромно «Сари», или в переводе «Горный». – «По моему, ты немного того, ладно, приходи завтра, поможешь нам собираться» Причину его неожиданного веселья я понял позже. Вечером принёс письмо Ася, и немного смущенно спросил, не могли бы мы прихватить для Гарегина с женой два аргентинских пледа.

Эти изделия из шерсти лам в ту пору в большом количестве поступали в СССР из Аргентины, с которой наша страна торговала. Конечно, мы были рады взять с собой Асин подарок для наших будущих соседей, а места в прицепе хватало. Два пледа были стянуты веревкой в один узел. Ася попросил у отца свою рукописную карту, чтоб сделать некоторые уточнения, показать ориентиры. Надо сказать, что эти ориентиры вроде «спуск, подъем» мы и так смогли бы обнаружить, придерживаясь дороги, обозначенной на карте, но всё равно, отец поблагодарил Асю. На следующее утро, встав пораньше, мы с отцом спустились к прицепу. Но теперь,

блестевший черным лаком, он имел отличный вид, им вполне можно было гордиться ! Жора уже возился в своей мастерской. Отец рассказал ему о нашем предстоящем путешествии и попросил проверить насколько надёжен стыковочный узел, поскольку собираемся загрузить прицеп полностью.

Не забыв отрицательную реакцию матери, когда мы выставили нашу конструкцию на всеобщее обозрение, Жора спросил: – «А Софья Степановна (моя мать) то же поедет?». Когда отец, засмеявшись сказал, что поедет, Жора важно поднял палец, мол, то-то! Потом они занялись проверкой узлов прицепа и, самое главное, стыковочного узла. К этому времени появился Володя, я взял брезент, к нему нужно было пришить десять тесёмок, чтоб привязывать его к бортам прицепа. Иначе при движении брезент могло бы сдуть ветром. Когда мы поднялись к себе, сборы там были в самом разгаре. И мать и особенно Карина обрадовались, увидев нас с Володей. Я ужаснулся, глядя на гору вещей, которой надо было заполнить прицеп. Мне стало стыдно, что не помог матери с Кариной собирать всё это. Зато теперь мы с Володей энергично взялись за дело (правда, под руководством матери), и к обеду у нас сформировался багаж из нескольких крупных узлов. Отец тем временем заправил бензином машину и три купленных бидона, ёмкостью по 20 литров. Рассчитывать, на то что по дороге попадутся бензоколонки не следовало. В то время, знакомых теперь всем канистр, не существовало, их заменяли упомянутые бидоны с резиновыми пробками, не обеспечивающими герметичность. Частенько при жаркой погоде, пробки самопроизвольно выскакивали из бидонов. Приходилось накрывать их, например, куском клеенки и обвязывать её проволокой у горловины бидона. Когда отец вошел в квартиру, она тотчас наполнилась густым запахом бензина.

Может показаться странным, но всем нам, казалось бы стопроцентным автомобилистам, очень не нравился этот запах. После обеда мы с отцом и Володей почти до вечера загружали прицеп. Ничто не было забыто. Прикрыли вещи брезентом, надёжно привезав его тесёмками (их пришили Карина с Володей) к прицепу и после этого смогли, наконец, вздохнуть свободно. Жора, присутствовавший при погрузке, высказался в том смысле, что разумнее было бы в первую поездку взять только самое необходимое, а за остальными вещами приехать позже: – «Слишком уж большая нагрузка на автомобиль». Он был прав, но разгружать прицеп, решать что нужно взять в первую очередь, отцу уже не хотелось тратить на это силы: – «Как-нибудь доберёмся». Жора с сомнением покачал головой. Володя пошел попрощаться с Кариной и матерью, вернувшись пожелал нам счастливого пути и ушел. Отец подогнал машину к прицепу, задействовал стыковочный узел и несколько метров проехал по двору. – «Ничего страшного – сказал отец Жоре – если с места тронуться было не трудно, то дальше проблем возникнуть не должно». – «А если дорога пойдет в гору?», – «Там посмотрим». Жора не стал спорить: – «Ну, пожелаю вам удачной поездки. Когда собираетесь выезжать?». – «Завтра на рассвете, чтоб засветло добраться до места, а это порядка 200–300 км. Пораньше ляжем спать». Жора пожал нам руки и мы разошлись.

Было около 9 вечера. Отец поднялся попрощаться с Асей и его женой, Свой патронташ с 30-ю патронами я не положил с остальными вещами в прицеп, а решил использовать вместо пояса. Пятью патронами заправил магазин своего карабина и был готов к завтрашнему дню. Отец недолго пробыл у Аси.

Глава 5

По неизведанному маршруту

Ранним утром, солнце ещё не вставало, мы уже ехали по Советашенскому шоссе, в нужном нам направлении. Я сидел рядом с отцом. Переднее сидение мы называли мужским, а заднее – женским. Там уютно устроившись уже давно и крепко спали мать с Кариной. Их не могли разбудить ни тряска, временами сильная, когда попадался не асфальтированный участок дороги, ни сигналы изредка обгонявших нас машин. Чувствовалось, что наша Эмка не рассчитана для использования в качестве грузовика: наиболее высокую скорость она развивала на спуске. Чтоб преодолеть даже не большой подъём, отец включал низшую передачу. Теперь можно было убедиться в правоте Жоры, а ехать предстояло ещё долго по неизвестно каким дорогам. Полностью нагруженный, тяжелый прицеп уже не «подпрыгивал» на каждом камушке, но плавного движения всё равно не получалось. Постоянная тряска не только была неприятна, она могла отразиться на сцепном узле и повредить машине. За три часа мы проехали всего около 100 километров! Нужно было остановиться, осмотреть состояние прицепного устройства, других узлов и, наконец отдохнуть. Увидев удобное место для стоянки – зеленую лужайку под деревьями, отец свернул туда и выключил мотор. Мы выбрались из машины и повалились на траву слегка оглушенные. Было удивительно тихо, и несмотря на сравнительно ранний час, жарко. Чирикание птиц и стрекотание кузнечиков становилось слышнее. Отец посмотрел на меня и сказал: – «Мы сделали две ошибки, надо было сначала нам одним разведать дорогу и, во-вторых не брать за один раз столько груза, Жора был прав. Но не возвращаться же обратно!». Как всегда решение получилось единогласным: – «Конечно, ехать дальше!». Откуда-то появилась крупная ящерица, напугавшая мать и обрадовавшая Карину. В отличие от меня, сестра не брезгая могла подержать на ладони извивающегося дождевого червя, взять пальчиками жирную гусеницу или жабу. На этот раз ей не повезло, а повезло ящерице, которая появилась неожиданно и так же исчезла. «Вот вам и первый зверь» – сказал отец.

Потом, поднявшись, взял из машины книгу, которую я раньше не видел – называлась она «Автомобильный и мотоциклетный туризм». Полистав ее, отец нашел одно место в тексте о путешествии по Армении, имеющее отношение к нам и прочитал: – «Маршрут проходит через Зангезур, тяжелый, доступный только опытному водителю, имеется несколько перевалов, три из них через основные горные хребты с крутыми подъёмами и спусками в живописные ущелья, рекомендуется иметь запас воды для доливки в радиатор, большая часть шоссе идёт по берегу реки Воротан. Да, надо было это почитать раньше» – отец почесал шею. Мать, как и мы с Кариной, всегда поддерживавшая отца в любых его начинаниях (не считая истории с изготовлением прицепа) и на этот раз успокоила отца: – «Ты и есть опытный водитель». – «Я-то да, а вот Эмка с тяжёлым прицепом...». Наскоро перекусили, осмотрели сцепку и поехали дальше. Я запомнил показания спидометра, с которыми выехали из Еревана, чтоб узнать точное расстояние от дома до деревушки. Примерно через полтора часа пришлось остановиться: дорога раздваивалась, если до этого она шла по плоскогорью, то теперь, в соответствии с Асиной картой, нам пришлось свернуть на правую, ведущую вниз. Можно было бы по ней поехать быстрее, однако, усиливалась и тряска, не позволявшая увеличивать скорость. Кроме того, она была чуть ли не сплошь усеяна камнями. Отцу всё время приходилось лавировать между ними. – «Странно, можно подумать, что по ней никто не ездит!» – удивлялся он.

Далеко внизу зеленым ковром расстилаясь долина. Мы медленно спускались в ущелье. Дорога пролегла вдоль его левого склона, с правой её стороны была пропасть. Хотя отец отлично водил машину по горным «серпантинам», с крутыми спусками и подъемами и нас это не очень беспокоило, но теперь с тяжело нагруженным прицепом нужно было соблюдать осо-

бую осторожность. Чаще приходилось сбавлять скорость и тормозить. Спуск, между тем, становился всё круче. Чтоб не «сжечь» тормозные колодки, отец включил самую низшую передачу, пытаюсь снизить скорость. Однако, случилось непредвиденное: подталкиваемую тяжёлым прицепом машину не возможно было остановить, с все возрастающей скоростью мы понеслись вниз. Ветки кустов, растущих по склону хлестали Эмку по левому «борту», спешно подняла стекло задней двери Карина, отец пытался сделать это с передней но не мог оторвать глаз от дороги, а руки – от руля. Я помог отцу, ухватив на короткое время руль. Держать его было трудно из-за сильнейшей вибрации. Казалось, машина взбесилась! Стрелка спидометра подошла к отметке 30 км. – недопустимой скорости движения на низшей передаче, угрожающе «ревел» мотор! Чтоб не повредить его, отец перевёл рычаг переключения передач в нейтральное положение, «рёв» мотора прекратился, но мы понеслись ещё быстрее! Машину бросало из стороны в сторону, отец судорожно вцепившись в руль пытался хоть как-то держаться ближе к склону, но при этом прицеп задевал его бортом, слышался скрежет, машину подбрасывало. Между колен у меня было ружьё, обеими руками я непроизвольно сжимал ствол, а ногами с силой упирался в пол. По камням, по ухабам, молча, затаив дыханье, мы неслись вниз. Невозможно сказать сколько времени продолжалась бешенная гонка, но спуск закончился. По инерции мы проехали ещё метров 50 и остановились.

Мать и Карина тотчас выскочили из машины. Мы с отцом пришли в себя чуть позже. Божественная тишина! Чириканье, посвистывание, стрекотание, шелест крыльев носившихся вокруг птиц, не нарушали её – эти звуки были голосами тишины! Закинув головы, смотрели мы наверх, туда откуда начинался спуск. – «Как высоко!» – сказала мать испуганно и посмотрела на отца: – «Ну, папа (так она иногда называла его) ты просто герой!». Но отец категорически не согласился с ней: – «Никак нет – не я управлял машиной, а она мной, жаль только с нами не было Аси. Впрочем, если б не прицеп... словом, Асю упрекать не за что, давай-ка посмотрим в каком состоянии наши механизмы» – обратился он ко мне. Нужно было осмотреть всё. Начав с прицепного устройства, мы обнаружили неприятную вещь: длинный, специально подобранный Жорой, болт, стягивающий в одно целое два узла – на машине и на прицепе – на две трети длины вышел из отверстия, а гайка навинчивающаяся на него пропала, очевидно, отвернулась при тряске. Ещё немного и прицеп отделился бы от автомобиля. Другой гайки у нас не было. Оставалось надеяться что её ещё можно найти. Я позвал Карину и вместе мы медленно, вглядываясь в землю поднялись по дороге почти до самой верхней её части, когда услышали весёлый голос отца: – «Следопыты! Спускайтесь, я нашел гайку!». С хохотом, держась за руки мы побежали вниз, оказывается, отец, походив около прицепа обнаружил её в траве! Нам, конечно, повезло: найти упавшую в траву мелкую деталь очень трудно. Я таких случаях пользовался магнитом, шаря им по земле. Пока мы искали гайку, отец обследовал днище, камни на дороге сделали своё дело – оно было кое где деформировано, но цело, а защитное покрытие содрано. На кузове с левой стороны были царапины, левый борт прицепа слегка помят. Утешились тем, что могло быть хуже.

Однако, время шло. После пережитого мы несколько расслабились и не очень торопились ехать дальше. Но отец проявил твёрдость: поесть и то пришлось, трясясь в машине. Камни на пути не слишком мешали движению, объезжая большие, мы могли увеличить скорость, уже не обращая внимания на тряску и шум от езды по неровной грунтовой дороге. Но чем дальше мы ехали, тем сильнее он становился. Скорее это был нарастающий гул. Опасаясь, что с машиной что-то происходит, отец выключил мотор. Гул не прекратился, а донесся откуда-то справа. Всё стало ясно, когда вспомнили описание маршрута на Зангезур: большая часть пути идёт по берегу реки Воротан, (не зря это слово переводится, как «Гремящий»). Успокоенные мы поехали дальше и вскоре её увидели вблизи. Я где-то читал, что исток этой реки находится на более чем трёхкилометровой высоте: грязно – коричневатый, бурлящий поток стремительно нёсся дальше с шумом, заглушавшим наши голоса и долго сопровождавшим нас. Но на Аси-

ной карте был отмечен не Воротан, а его приток, вдоль которого и должна проходить наша дорога. Мы были в пути уже больше шести часов, проехали около 180 километров, средняя скорость не превышала 30 километров в час.

Было сомнительно, что до вечера доберёмся до места. Вслед за отцом, мать повторила, что лучше было бы сначала проехать со мной «налегке», то есть без прицепа, проверить «трассу». Если Карина находила себе дело, разглядывая фотографии минералов в книге Ферсмана, то матери приходилось скучать, одно её успокаивало: – «Всё же это лучше, чем многодневная поездка в Москву в автомобиле, как ты думаешь?» – обратилась она к отцу. – «Пожалуй, ты права», – согласился он. Видимо, мы отделились от Воротана, шум до нас уже не доносился. Но нужно было проехать ещё около 60 километров, чтоб увидеть его приток. Здесь ущелье суживалось. В отличие от гремящего Воротана, приток оказался тихой, не глубокой и прозрачной речкой, медленно текущей по каменистому дну. Дорога шла по её узкому берегу, местами мокрому от набегавшей воды. – «Не поверю, чтоб кто-то здесь проезжал!» – убеждённо сказал отец. Если бы появился встречный автомобиль разехаться на ней, заметно сузившейся, было бы невозможно. – «У Аси, кажется, нарисовано, что с этой дороги и начинается подъем к деревушке, проверь, пожалуйста, по его карте» – попросил он меня. Действительно, если верить ей где-то впереди должен быть путь вверх, мы уже радовались, что скоро выберемся из ущелья и увидим «свой» дом. Отец увеличил скорость, насколько было можно, и примерно через час мы остановились у своеобразного перекрёстка.

Здесь ущелье расширилось, наша дорога, идущая вдоль реки, странным образом уходила впереди под воду, но другая, отходившая влево круто подымалась по склону. – «Вот, наконец, и подъем, – сказал отец неуверенным голосом – только как его осилить». Мы выбрались из машины. Было ясно, что столь крутой подъём с нагруженным прицепом не преодолеть. Оставалось одно, разгрузить его, оставив в нём немного вещей, с ними подняться вверх, вернуться и так постепенно поднять остальное. Не мало времени потребовалось, чтоб облегчить прицеп. Отец сел за руль и тронулся с места. Мать и Карина остались у разложенных на дороге вещей. Взяв в руки ружьё, я пошёл рядом с медленно взбирающейся вверх машиной. Даже не большой груз, оставленный в прицепе она тянула с надрывом, яростно ревел мотор. Выбравшись на менее крутой участок, машина пошла быстрее, я прибавил шаг. И всё же пришлось остановиться: дорогу перегородила груда камней. Некоторых из них нам с отцом удалось сбросить вниз, но самые крупные сдвинуть с места мы не смогли. Отец взял из прицепа сачёк, (Карина собиралась ловить бабочек) и попытался использовать его как лом.

Неожиданно из-за камня выскользнула змея и устремилась к отцу, держа высоко над землёй голову. Отец отбросил её от себя палкой сачка но она снова кинулась к нему. Только тут я вспомнил о ружье, прислонённом к крылу автомобиля! И когда змея в третий раз бросилась на отца, я выстрелил в неё, целясь в голову. Пуля попала в шею у основания головы, змея замерла, отец мгновенно сбросил её вниз и поспешил сесть в машину: – «Ноги не держат» – сказал он и виновато улыбнулся. То же чувствовал я, усаживаясь рядом. – «Мы потеряли бдительность, не подумали что в груде камней могут быть змеи, хорошо ещё так обошлось» – отец не упрекнул меня, не сразу прореагировавшего на ситуацию, но я не мог не почувствовать себя виноватым перед ним, и признался в этом. – «Не переживай, уж слишком неожиданно она появилась». Я с ужасом думал что бы мы могли сделать если бы змея ужалила отца! А ведь это была гюрза: чернильного цвета туловище, приплюснутая голова с выступающими над глазами бугорками! Укушенный человек, если ему не ввести сразу же противозмеиную сыворотку, погибает в течении нескольких часов! У нас же с собой небыло никаких лекарств, даже от укусов комаров! Страшная картина стояла передо мной! – «Папа, как ты отбивался от неё» – только и мог я сказать. На звук выстрела прибежала Карина. «Сейчас же беги обратно – заволновался отец – здесь змеи! Мы пока не можем проехать дальше, мешают камни, посмотрим, что делать». Как-то неохотно она послушалась и ушла. Уверен, ей бы захотелось потрогать змею. – «Ну, что

отошли у нас ноги – отец вопросительно посмотрел на меня – давай пройдем наверх, может увидим Асин дом и решим как дальше..».

Мы вышли из машины. Подобрал сачёк, он потряс им – «Моё оружие – но чтоб не обидеть меня, добавил конечно, если б не ты с ружьём..». Мы обнялись. Из патронташа, заменившего мне пояс я вынул патрон, вместо израсходованного заправил в магазин и щелкнул затвором – «Теперь уж нас не застанут врасплох» – сказал я. Отец утвердительно кивнул и мы пошли, более внимательно, чем обычно поглядывая под ноги и вокруг. Идти пришлось не долго. Добравшись до гребня горы, мы замерли, потрясенные: перед нами было озеро!

Молча смотрели мы на него. Окружённой пологими зелеными холмами, водной гладью можно было бы любоваться, но не в нашей ситуации. С противоположного холма к озеру спускалось стадо. И уже несся к нам на огненно-рыжем коне всадник с восторженной улыбкой, явно обрадованный нашим появлением. Рядом с ним бежали две овчарки, видимо не довольные этим. На всякий случай я взял ружьё на изготовку.

Доскакав до нас, всадник – молодой человек с красивым лицом – соскочил с коня, что-то сказал собакам, те побежали обратно, и после этого, всё с тем же выражением радости, он подошел к нам протянув руки: – «Как вы сюда попали, кого-то ищите?». Когда отец сказал, что у нас машина с нагруженным прицепом и что нам надо как-то добраться до деревушки, которая называется Сари, Давид, так звали нашего нового знакомого покачал головой – «Вам надо было продолжать ехать по той дороге, не сворачивая» – «Куда? Та ушла под воду» – «Ничего страшного, река с началом лета мелеет и дорогу покрывает не больше, чем на 10–15 сантиметров, по ней и надо ехать дальше. Через 2–3 километра выберитесь на сухую, а до Сари отсюда около ста километров. На пути попадётся только один поворот налево к больнице – не сворачивая надо ехать дальше, перед деревней не большой подъём. Мы с моим Джалали – услышав своё имя, конь повернул голову и внимательно посмотрел на Давида – мы с ним объездили все места в радиусе 100–150 километров, знаем их как свои пять пальцев».

Отец не выдержал – «Чёрт знает, что! Неужели нет другой, нормальной дороги к этой (он запнулся), к этой деревне?» – «Есть, конечно, на 70 километров длиннее но не сравнить с той, по которой ехали вы, по ней никто лет 20 и не ездит. Новая, если можно так сказать, идёт по плоскогорью, там на всём пути до Еревана имеются бензоколонки ». Всё стало ясно. О себе Давид сказал, что учится на третьем курсе университета, в эти места приезжает каждое лето к родственникам, устраивается на работу пастухом в колхозе, где получает зарплату, а пользуется дядиным конём. Он с любовью посмотрел на Джалали (кстати, и Давид и Джалали – имена из эпоса «Давид Сасунский»). Мы были рады короткому общению с этим приятным человеком и поблагодарили его за участливое к нам отношение. До нас донёсся лай собак. Давид, увидев что стадо уходит от озера, извинился и вскочив на коня, помчался за ним, помахав нам.

Мы пошли к машине, попрежнему опасаясь змей. Я уже не выпускал из рук ружьё. Предстояла неприятная процедура: съехать вниз задним ходом по узкой горной дороге, да ещё с громоздким прицепом. Отец завёл машину и медленно двинулся с места, Подстраховывая его, я пошёл рядом. В конце концов мы выбрались на ровный участок дороги. Мать с Кариной, уставшие ожидая нас, расположились на вещах. Логичным был вопрос матери: – «Что же вы так долго..». Отец подробно рассказал обо всём, но когда описал «сражение» с змеёй, мать побледнела, а Карина вполне к месту сказала: – «Посмотрите, что я нашла» – и показала белый шарик, раза в два меньше куриного яйца. Она чуть сдавила его, он легко промялся но не треснул. – «Сейчас же брось его куда-нибудь подальше – чуть не крикнул отец – это же змеиное яичко! Где ты его подобрала?». Карина ответила, что на подъёме около машины и с сожалением размахнувшись, поступила, как сказал отец. – «Что будем делать?» – спросила мать. – «Погрузим всё обратно – ответил отец – и поедem дальше».

Может показаться странным, как мы после короткого разговора с Асей, ни о чём не думая, столь быстро собрались и поехали в неведомые места. А дело в том, что и отец и

мать, были из тех, о ком говорят: «легки на подъём». С появлением автомобиля нам стали не страшны никакие расстояния. Сотня, другая километров пути, уже не настораживала, наоборот, мы с удовольствием тряслись по новым для нас дорогам. Думаю, это чувство знакомо заядлым автомобилистам, а родители мои были ими. Причём, отец любил маршруты по-труднее: – «Это и есть борьба с природой!» – говорил он. Мать, Карина и я разделяли убеждения отца. Вот теперь подвернулся случай побороться. Но впервые мы были связаны с прицепом, что несколько мешало «честной борьбе». Уже становилось ясно, что придётся заночевать в пути. Решили проехать залитый водой участок пока светло, подобрать место для ночлега и там, наконец, утолить разыгравшийся аппетит. Поверив Давиду, отец медленно повёл машину по затопленной дороге. Открыв дверь, я наклонившись следил за уровнем воды. Можно было прибавить скорость, о чём я сказал отцу. Мы поехали быстрее, кое-где подымая брызги, и довольно скоро выбрались на сухую дорогу.

Глава 6

Ночь на островке

Посередине реки возвышался каменистый островок с пологим берегом. По противоположному склону ущелья, заметно расшиившемуся, всёбыстрее подымались тени. Мы озабоченно смотрели на них. Не предупреждая нас, отец круто вывернув руль, на большой скорости пересёк реку, с ходу выбрался на островок, выключил мотор и с гордым видом вылез из машины. Никто не успел ахнуть! – «Ну, папа ты авантюрист, мы же могли застрять в воде?» – только и могла сказать мать. Отец утвердительно кивнул: – «Конечно но нужно было съехать с дороги не ночевать же там, вдруг еще кому – то захотелось бы прокатиться по ней. Как бы то ни было, отец выбрал удачное место для стоянки с чем согласилась и мать. Поскольку начало темнеть, быстро откинули левый борт прицепа, служащий столом. На нём мать с Кариной стали раскладывать еду. Отец приготовил постель для женского персонала. Я прошелся по островку, в длину насчитал 90, а в ширину 36 шагов. Река обтекала его с обеих сторон. На каменистом оголённом основании умудрилось вырасти дерево! И какое! Я был не прочь определить его толщину, но не рискнул подойти близко: вокруг него разрослась ежевика, а мне мерещились всюду, а тем более в кустах змеи. Во всяком случае диаметр ствола мог быть порядка 30 сантиметров. Но почему-то на большей его части и только обращенной к нам, не было коры. После ужина в несколько необычной обстановке, без света, делать было нечего. Отец с фонарем подобрал место, где мы вдвоём могли бы расположиться на ночь. Подумав, решили устроиться перед машиной. Из прицепа извлекли один из матрасов, и при свете фар разложили его, несмотря на недовольствие матери, прямо на каменистом участке, достаточно ровном и чистом. Потом отец прошелся по островку, освещая подозрительные места. Я взял из машины ружьё, чтоб положить около матраца, на всякий случай, когда отец крикнул: – «Скорее, скорее сюда!».

Схватив винтовку, я кинулся к нему, всполошились и мать с Кариной. Но оказалось, что отец, направив лучь в воду, привлёк целый косяк рыб. – «Давайте сачок» – быстро сказал он. Карина подбежала к нему с сачком. Мы, стоя рядом, невольно затаив дыхание, смотрели в воду: поблескивая в лучах света хаотически метались у самого берега довольно крупные рыбы. Их было множество! Отец, не меняя положение луча, медленно опустил сачёк в воду и сразу же вынул с тремя рыбами! Мать уже приготовила таз, отец вытряхнул туда первый улов. За короткое время было выловлено 18 рыб! Больше ловить не имело смысла. Откинутый борт прицепа на некоторое время превратился в кухонный стол. Тем временем мы с Кариной определили среднюю длину пойманных экземпляров: около 20 сантиметров. В воде рыба казалась крупнее. Под светом фонаря все 18 были обвалены в муке, пожарены на примусе и поданы на стол. Хотя мы недавно ели, но невозможно было отказаться от такого блюда. Весь улов уничтожили за считанные минуты. Это была форель, называемая в народе «Князь-рыба». Надолго запомнился нам её отличный вкус.

В благодушном настроении, словно забыв о том, что надо куда-то еще ехать, мы вчетвером расположились на матраце, вытянув ноги и облокотившись друг на друга. Было удивительно тихо. Слышалось только журчание воды. Иногда неожиданно раздавалось кваканье лягушек, потом прерывалось и долго не повторялось. Тёплый ветерок с запахом трав, звёздное небо над нами, для полной идиллии не хватало костра. Фары не заменили бы его. Их выключили. Нам было достаточно света звёзд. Мы не громко переговаривались. Первой стала зевать Карина, пожелав нам с отцом спокойной ночи, она забралась в машину. Не долго продержалась мать и следом за Кариной отправилась спать. Через некоторое время улеглись и мы, вместо подушек подогнув под головы часть матраца. Верхнюю одежду оставили под брезентом в

прицепе, накрываться чем-то не стали. Отец положил рядом фонарь, а я – ружьё, с ним было спокойнее.

Ещё какое-то время мы поговорили, постепенно отец перестал отвечать на мои слова да и у меня стали закрываться глаза. Я заснул. Приснилось мне что по мне ползает., анаконда. Хочу пристрелить её, не могу нащупать ружьё: его рядом нет! И вдруг уже не во сне чувствую как что-то холодное вползает на мою правую руку. В ужасе перескакиваю через спящего отца, хватаю фонарь, волнуясь не сразу его включаю: на матрасе сидит лягушка! Ружьё – на месте. Прикладом осторожно спихиваю её с матраса и стараюсь переместить её подальше. Будь на моём месте Карина, не сомневаюсь – она бы спокойно взяла пальчиками лягушку и отнесла в сторону. Короткая суматоха не разбудила отца. Я снова улегся, проверив на месте ли ружьё. Подумалось мне, раз здесь спокойно прогуливаются лягушки – змей быть не должно. С этой мыслью стал засыпать. Почему-то не было звёзд, сгущался мрак до такой степени, что крона дерева сомкнулась с ним и даже лишённая коры часть ствола еле раличалась. Но мне было всё равно, сон накрыл меня.

И опять не смог спокойно спать: из толстого пожарного шланга Карина, смеясь поливала меня мощной струей! Открываю рот, чтоб возмутиться, но он наполняется водой. Меня сильно встряхивает отец, на нас обрушился водопад! Струи хлещут нас как плётки. Сую ноги в наполненные водой туфли, подбираю ружьё. Вместе с отцом подхватываем насыщенный влагой и потому тяжёлый матрас, не сговариваясь, бросаем его на капот и, наконец, укрываемся в машине. Здесь, не включая свет, сидят облокотившись о спинку заднего сидения мать и Карина. У обеих озабоченные лица. Мы стаскиваем промокшие майки, стягиваем и выжимаем трусы, не кстати яркая молния освещает нас голых! Мокрые, пытаемся согреться, расстирая тело простыней Карины. Вовсю грохочет по крыше ливень, чтоб говорить приходится кричать. Тот, кто оказывался в горах во время грозы, может представить на что способна стихия. Нам остаётся молча наблюдать за происходящим. Тихая несколько часов назад речка превратилась в мощный поток. Отец включил было фары, но свет не мог «пробить» слой воды перед ними. Молнии, сверкавшие непрерывно, освещали как днём все вокруг.

Вода быстро залила наш островок, продолжая прибывать, она несла с собой всевозможный мусор: песок вперемежку с щебнем, крупные камни, сучья, вырванные с корнем кусты. Всё это с большой скоростью проносилось мимо, застревало под передними колёсами, упиралось в капот. Сквозь шум был слышен неприятный скрежет, что-то царапало кузов. Молния высветила высокую волну приближающуюся к нам. На панический вопрос матери не унесёт ли волна машину, отец с присущим ему спокойствием ответил, что вряд-ли, поскольку нас держит якорь-прицеп. Ясно, что эту фразу ему пришлось прокричать. Волна докатилась до нас. Машину закачало. Была полная иллюзия, что мы с большой скоростью несёмся по реке. Так как островок был полностью под водой, речки, делившейся на два рукава, не стало, наш автомобиль, плавно покачиваясь, какзалось, плывёт посреди широкой и бурной реки. Постепенно ливень перешёл в обычный дождь, затем и он перестал. Гроза прошла над нами. Стали появляться звезды. Но шум потока не стихал, и качку испытывать пришлось еще долго. Было около двух часов ночи. Отец опустил стекло двери, выглянул и сообщил, что уровень воды приближается к нижнему порогу двери: – «Еще немного и нам пришлось бы вычерпывать воду из кабины» – припугнул он нас. Но гроза прошла а с ней и страх. У всех было одно желание: спать!

Кое-как устроившись, укачиваемые волной, под шум реки мы крепко, как никогда заснули. Проснулись от яркого света, очевидно было поздно так, как солнечные лучи добрались до дна ущелья. От нагретой крыши в кабине стало жарко! Уровень воды понизился значительно, но не настолько, чтоб можно было выйти из машины: лёгкие волны катились по «нашему» островку. Мы попрежнему оказывались в середине потока. Можно было распахнуть двери. Свежий ветерок выдул из кабины горячий воздух. Шум воды уже не заглушал радостное пение, посвистывание, чириканье птиц, носящихся над водой и взмывающих в высь. Солнце преоб-

ражало природу, но каким неуютным и даже мрачноватым казался нам этот её уголок, где мы так хорошо проводили время ещё вчера! От матраца на капоте шел густой пар.

Когда мы с отцом положили на нагретую крышу для просушки нашу мокрую обувь, мать с Кариной в один голос ахнули: – «А наши туфли, мы же оставили их на земле?!». Отец только свистнул: – «Ищи ветра в поле! Теперь будете ходить босиком.». – «Как ты можешь шутить над этим..» – начала было возмущаться мать, но, сообразив, кто виноват в случившемся, умолкла, подавленная. Хотя отец пообещал, что сразу же, как выберемся в «цивилизованные» места, начнём искать обувной магазин или хотя бы лавку, настроение от этого у «босячек» не улучшилось. Уровень воды медленно понижался. Наконец отец крикнул: – «Земля!».

Показалась часть суши. Но прошло ещё какое-то время, прежде чем мы смогли ступить на неё. Только недавно поблескивавший на солнце каменистый островок, покрыло толстым слоем грязноватого песка вперемежку с камнями, сломанными ветками, каким-то мусором. Груда этой массы бугром упёрлась в капот. Первым делом мы стащили с него кое-где ещё влажный матрац и положили на горячую крышу. Затем, полагая, что спать в машине больше не придётся, убрали постель, подняли спинку переднего сидения, передвинув его на место. Мать с Кариной уселись за руль, и не имея возможности выйти без обуви, с грустным видом следили за нами из машины. Мы же с отцом стали очищать всю её переднюю часть, а главное радиатор, от грязи, пока она была влажной. Засохшую было бы намного труднее смыть, поэтому с едой (каждый подумывал о ней), приходилось подождать. Мусор перед машиной мы убрали быстро, а очистка радиатора потребовала не мало времени. Отец даже воспользовался насосом для накачки шин, чтоб продуть все забитые грязью ячейки радиатора. Уровень воды в реке, хоть и постепенно понижался, но всё ещё был относительно высок для нашей машины при первой же попытке съехать с островка, мы скорее всего застряли бы в воде. Волей-неволей приходилось ждать когда она спадёт хотя бы до уровня, какой был до ливня.

Пришло время подумать и о завтраке. Функция кулинаров по справедливости легла на нас с отцом. Когда мы подняли брезент прицепа, из под него выпорхнули две птички. – «Может они и яички отложили – сказал отец – вот тебе и яичница!». Неприятнее было то что, в прицепе, накрытом брезентом, скопился горячий воздух, нагревший бидоны с бензином, парами которого оказалось пропитано всё, от продуктов до нашей одежды, подсунутой вечером перед сном под брезент. К сожалению, мало аппетитную еду пришлось съесть, другой небыло. Долго после этого во рту сохранялся вкус бензина. Нам уже нетерпелось поскорее уехать отсюда. Уровень воды, казалось, понизился до вчерашнего и отец решил рискнуть. Никто не возражал. Мать с Кариной перебрались на «свои» места, мы с отцом – на свои и тронулись. Примерно на середине реки, когда отец резко прибавил скорость, на лобовое стекло сполз с крыши забытый нами матрац. Ничего перед собой не видя, отец всё же смог выбраться на берег. Машина остановилась в нескольких сантиметрах от склона ущелья. Задние колёса прицепа были ещё в воде. «Вслепую» отец не смог с ходу нужным образом сманеврировать и переехать реку, как в прошлый раз. Попытка вытянуть прицеп из воды не удалась, колёса машины пробуксовывали на грязи, покрывавшей дорогу. Подложили под них ветки. На всякий случай отец попросил Карину перебраться на переднее сиденье, вывернул руль и объяснил на какие педали нажать по его команде, когда мы вдвоём начнём толкать машину. Свёрнутый матрац положили «торчком» на заднее сиденье. Отец ещё раз проинструктировал Карину, никогда не управлявшую автомобилем, и включил первую скорость. Мы с обеих сторон упёрлись в проёмы дверей. По команде отца Карина нажала на педаль газа.

Как дикая лошадь срывается с места, учув опасность, так с оглушительным ревом понеслась вперёд наша машина! Обрызганные с ног до головы грязью, вырывавшейся из под колёс, мы кинулись за ней. «Убери газ, вытащи ключ!» – пытался докричаться до Карины отец. Но машина неожиданно стала: заглох мотор. Когда мы добежали до неё, Карина, откинув голову назад, бледная, с безжизненно повисшими руками пыталась выравнять дыхание. Она слабо

улыбнулась. Прицеп надёжно стоял на дороге. – «Ну, маман (так иногда шутливо обращался к матери отец) вот кто у нас герой!». – «А моё состояние, когда машина понеслась?» – сказала мать. – «Конечно, конечно ты тоже вела себя геройски» – поддержал ее отец. Не хотелось думать, что бы случилось, не заглохни мотор. Но вывод из происшедшего был сделан тут же: и Карина и мать должны уметь управлять автомобилем. Позже отец обучил их этому искусству.

Признаться, нам уж не терпелось скорее добраться до места. Счистив грязь влажными майками (они пролежали под сидением), положив матрац в прицеп, мы на повышенной скорости поехали дальше. Камней на дороге не стало меньше, но тряске, временами сильной перестали придавать значение: вторую ночь провести на дороге было нежелательно. Довольно скоро показался, упоминавшийся Давидом поворот к больнице. От этого стало веселее. Да и природа радовала. Мы отделились от реки настолько, что потеряли её из виду. Ущелье раздвинуло свои границы. Если на «нашем» склоне, меньше освещаемом солнцем, росли редкие растения, то противоположный, менее крутой – был весь в яркой зелени, густо заросший пышными кустами. Между склонами расстилалась травянистая долина, с растущими кое-где высокими, с раскидистыми кронами деревьями. Всё пространство было усеяно тёмнокрасными, почти бордовыми маками. Отдельно от них, как бы сторонясь, держались небольшие участки с ромашками. У птиц, видимо, наступила пора размножения, с удивительной энергией носились они над цветастым ковром, испуская громкие, достигающие нас крики. Вдали я заметил подпрыгивающих друг перед другом аистов, явно настроенных воинственно. Мимо них взад-вперёд пробежали не столь большие, неизвестные мне птицы с коричневым оперением. – «Это вальдшнепы» – ответила на мой немой вопрос Карина, смотревшая туда же. Возможно она была права. Во мне проснулась, задремавшая было, страсть охотника, но отец не стал останавливаться, сославшись на недостаток времени – «Еще настреляешься» – успокоил он меня. Было около трех часов, когда дорога пошла в гору.

Мы остановились – «Это и есть пологий подъём, о котором говорил Давид – убеждённо сказал отец – его-то мы преодолеем запросто». Действительно, на этот раз проблем не возникло. С ходу машина с прицепом выехала на ровное место. Высокая трава и всюду маки, мы оказались на плоском как стол горном плато, далеко уходящем в обе стороны от нас.

Глава 7

«Наш» дом»

В полукилометре перед нами за огороженным участком, весь до черепичной крыши обвитый зеленью стоял «наш» дом. Мы медленно подъехали к ограде. Отец выключил мотор и, прихватив Асино письмо вылез из машины, я последовал за ним. Бедные мать с Кариной не рискнули босыми ногами ступить на землю, и только сидя в машине с распахнутыми дверьями могли смотреть на происходящее. К нам быстро шел сухощавый, с сединой пожилой человек. Выражение его лица нам уже было знакомо. Весёлый, можно сказать радостный подошел он к нам. Отец, так же улыбаясь, протянул ему руку – «Гарегин (это был он), извините не знаю вашего отчества..» – «Какой ещё отчество – как бы недовольный сказал подошедший – Гарегин и Анна и всё!» «Ну хорошо – согласился отец – вам письмо от Арсена» – и вручил ему конверт. – «Анна – крикнул Гарегин – письмо от Арсена!». К нам уже спешила, улыбаясь невысокая женщина с чёрными с проседью волосами и удивительно млажавым лицом, хотя, как выяснилось позже её было за 70. – «Читай – сказал ей Гарегин, а нам пояснил – лучше меня видит». Отец вытащил из прицепа Асин подарок и вручил его Гарегину: – «А это вам от Арсена». Несколько растерявшись, не уверенно, будто берет в руки хрустальную вазу, он взял сверток, и подумав, положил его на каменную ограду. К этому моменту Анна («это мой жена») дочитала письмо и с неподдельной радостью воскликнула: – «Вы будете жить в доме Арсена?». Она повернулась к мужу: – «Арсен пишет, что его друзья все лето будут у нас». – Отец поспешил вставить слово: – «Не помешаем вам?». – «Какой помешаете – чуть ли не хором ответили оба – только рады будем, не так скучно..».

Пришла пора представить нас. Что я сын – объяснять было не нужно, а вот когда отец стал знакомить с матерью и Кариной, которые застенчиво выглядывали из машины, пришлось объяснить почему они отсиживаются там и не могут выйти, и, значит, признаться в нашей постыдной легкомысленности: мы не взяли с собой запасной обуви. Так что, знакомство произошло в несколько необычной обстановке. Отец напомнил Гарегину об Асином подарке. Тут же, на капоте развернули свёрток, Анна всплеснула руками: – «Какое спасибо сказать Арсену?!». Заметно рад был подарку и Гарегин. – «Надо заехать во двор» – сказал он и пошёл за чем-то.

Ограда, как принято в наших деревнях, была сложена из плоских, крупных камней, положенных друг на друга и ни чем не скреплённых, что не мешало ей быть достаточно надёжной. Ворота здесь были не предусмотрены, обходились калиткой. Вернулся Гарегин с толстой палкой и стал разбирать часть ограды. Палку отложил в сторону. Осторожно снимая камень за камнем и складывая в кучу, он внимательно всматривался в освободившееся место, словно что-то там потерял. Я не удержался и спросил его, что он ищет. – «Там часто змея бывает, гнездо делает» – ответил он. Отец, стоявший рядом выразительно посмотрел на меня. Мать и Карина разговаривали с Анной, и, к счастью, не слышали объяснения Гарегина. Палку он принёс, видимо, чтоб обороняться от змеи. Я на всякий случай вынул из машины ружьё и щелкнул затвором. Увидев это, Гарегин пришел в восторг: – «Анна – позвал он жену – смотри кто теперь убёт одноглазого шайтана!». «Шайтана?» – переспросила мать. – «Он говорит про волка, который утащил у нас козлёнка» – пояснила Анна. Мать промолчала, но задумалась. – «И много их?» – не удержалась Карина. Ответил Гарегин: – «Давеча много было, пока нет». Это «давеча» потрясло нас: человек, нельзя сказать чтоб хорошо знал русский язык, вдруг употребил слово, которое уже давно не используется в разговорной речи.

В последствии выяснилось, что будучи в армии (ещё в царской), он дружил с крестьянским парнем из Рязани, от которого и перенял «исконно» русский оборот. В остальном же, как мы потом убедились, Гарегин, признавал в этом языке только мужской род: «мой жена, мой

лопатка, мой лошадь». Впрочем, это ни как не мешало общению с ним. Но удивительнее всего была разница (в психологическом смысле) между ним и женой. Если Гарегин всегда говорил громко, энергично жестикулируя, был несколько грубоват, то жена его отличалась мягким нравом, сдержанностью, можно сказать даже какой-то интеллигентностью. Правда, это были первые впечатления. Однако продолжу рассказ. Гарегин закончил работу, расширив достаточно проход в ограде и широким жестом пригласил: – «Пожалуйста, можно заезжать!». Во дворе было восемь крупных ореховых деревьев. Уже в темноте отец поставил машину под одним из них. – «Завтра ворота сделаю» – пообещал Гарегин. Нам с отцом пришлось остаться в машине и снять обувь. Это приходилось делать каждый раз, когда матери с Кариной было нужно «прогуляться», а одеть на ноги было нечего. Пока они неспеша прохаживались по двору, отец узнал, что за обувью нужно съездить в небольшой городок в сотне километров от нас. Когда отец одновременно обращался и к матери и Карине, он частенько называл их изысканно: «дамы». Я тоже привык к этому слову и употреблял его, когда «дам» не было рядом. Так вот, «дамы», сильно уставшие от гуляния не в своей обуви, с облегчением скинув её, забрались в машину, а мы с отцом смогли, наконец, выбраться на волю.

Мне очень хотелось осмотреть, хотя бы не заглядывая внутрь, «наш» дом, пройти по двору но тьма сгушалась, а нужно было разгрузить прицеп, накормить изнывающих в машине «дам», и самим поесть. Гарегин посоветывал вещи с прицепа пока сложить в подвале под верандой дома. Этот подвал, выше человеческого роста, вполне мог сойти за первый этаж. В жилую часть на «втором» этаже вела лестница (я насчитал 12 ступенек). Чтоб открыть его дверь, сплошь покрытую, как лианами разросшимся виноградом, Гарегин пришёл то ли с топором, то ли с ножом, я назвал его инструмент «мачете»: полуметровый, с толстой деревянной ручкой, насаженным на неё широким, обоюдоострым ножом с крючкообразным концом, он позволял легко зацепить, подтянуть к себе с двухметровой высоты ветку и, если нужно, срубить её. Ловко орудуя им, при свете фонаря, который держал отец, Гарегин быстро освободил дверь.

Подвал имел два окна, но можно было предположить, что и днём свет вряд ли проникал туда из-за листьев, закрывавших их. Фонарь помог нам увидеть, что в помещении кроме большого стола ничего не было. Решили вещи разложить на нём. Прежде чем это сделать, отец поинтересовался нет ли в подвале мышей. – «Мышь нет, их змея кушает» – громко сказал Гарегин. Мать, услышав такое объяснение встревожилась: – «Не попали ли мы в змеиный заповедник?». Гарегин как-то неопределённо ответил: – «Давеча не так много было». Отец постарался успокоить её – «Мы их перестреляем», однако всё же решил осмотреть все закоулки повнимательнее. После этого можно было разгрузить прицеп. Отец посчитал, что спать мы сможем уже в нашем доме (обойдусь впредь без кавычек), но Гарегин отсоветывал – «Там сейчас нельзя, плохой запах, скорпионы, наверно змея, надо завтра всё почистить» – здоровое предупреждение. «Дамы» никак не прореагировали на эти слова, словно смирившись с тем, что жить придётся среди змей, скорпионов и прочей нечисти.

С момента въезда во двор, время от времени, лаяла собака. Её я не видел, возможно она на привязи находилась за домом. Очень хотелось «познакомиться» с ней. Мне казалось, что по лаю я уже могу определить её характер. Вначале это был голос строгого хозяина – «Кто посмел войти к нам», потом – просительный: – «Дайте и мне посмотреть» и, наконец обиженный: – «Жаль, что не даёте». Стало уже совсем темно – знакомство пришлось отложить на следующий день. Керосиновая лампа, поставленная Анной на стол под деревом, давала слабый свет. Отец посетовал, что нет электричества, но Гарегин с гордостью сказал, что сын, работавший в Америке в «Армторге» прислал оттуда электростанцию, которая так и стоит без дела, поскольку не кому ею заняться: – «Завтра вам покажу». «Конечно, конечно – поспешно сказал отец – а где она?». Гарегин махнул рукой в темноту: – «Три года лежит». Хотя было неясно как понять это «лежит», не стоило придирается к слову.

Тут уместно сказать, что задолго до войны между нашей страной и Америкой подерживались вполне «нормальные» торговые отношения. Оттуда к нам поступали станки, электротехническая аппаратура и даже автомобили. Организовывало всё это объединение «Амторг» (не «Армторг», как сказал Гарегин). Отца, как и меня, всегда интересовали любые технические устройства, и вот теперь «электростанция!» – «Завтра посмотрим, что это за штука – произнёс отец – а пока разгрузим прицеп». Когда перетаскивание вещей закончилось, пришлось снять обувь и дать погулять «дамам». С Анной они ушли в темноту, а к нам, сидящим в машине подошел Гарегин и тихим голосом, чтоб не услышали женщины, попросил, если поедем в Горис, купить «самый красивый тупля» для жены. – «День рождения будет, подарю» – с неожиданной нежностью сказал он и протянул отцу поношенный экземпляр – «Для размеру». Погуляв, «дамы» вернулись к машине. Быстро приготовили еду. Анна, видимо решив удивить нас, предложила попробовать её хлеб. Свой мы доели ещё утром, так что это предложение оказалось весьма кстати. На несколько наивный вопрос матери есть ли здесь булочная, Анна рассмеялась и сказала, что выпекает его сама:

– «Привезите из Гориса муку, буду печь и для вас». Осталось только поблагодарить её. Выяснилось, что хлеб она печёт в туннеле (иногда говорят «тондыр») – своеобразном колодце глубиной не менее 1,5–2-х метров, с внутренней поверхностью покрытой жаропрочной глиной. На земле разжигают костёр и горящие дрова опускают в колодец. К разогретым, пышущим жаром стенкам «пришлёпывают» тесто и через некоторое время готовый хлеб извлекают из колодца с помощью специального крюка (чтоб не обжечься). Нужно было бы готовиться ко сну, но и Анна и Гарегин, испытавшие, видимо, определённый дефицит общения не собирались так легко оставить нас одних. Впрочем, нам тоже хотелось пообщаться с ними. Отец поинтересовался далеко ли находится родник, о котором говорил Ася. Гарегин весело ответил, что никакой родник не нужен так как сын соорудил настоящий водопровод: – «Завтра всё увидите». На вопрос сколько у них детей ответила Анна: – «Пять сыновей и четыре дочки». Насчёт внуков данные не сошлись: Гарегин сказал что пятнадцать а Анна его поправила – шестнадцать. Возник небольшой спор, загибая пальцы Гарегин насчитал пятнадцать. Анна с укоризной и деликатно напомнила ему шестнадцатого: – «А Камо?». Гарегин смутился, но тут же попытался оправдаться: – «Ему ещё и месяц нет!». «Ну и что? Не человек?» – муж признал своё поражение и даже извинился перед женой, а потом и перед нами. Всё это выглядело забавно.

Пока шли разговоры, мы с отцом разложили в прицепе два матраца и приготовили себе отличные спальные места. Из далека доносились непривычные звуки: какое-то тьяканье, что-то похожее на лай собак, басовитое уханье. «Шакалы, лисицы, сова-филин» – сказал Гарегин. Вдруг, как будто совсем рядом раздался неприятный, протяжный вой. – «Вот шайтан голос показывает» – выразился с не совсем понятным удовольствием Гарегин. «Волк?» – настороженно спросил отец – может нам запереться в машине, ворот нет» – забеспокоилась мать. Гарегин «успокоил» её, сказав, что «шайтан» без труда перепрыгивает через ограду. Стало как-то неуютно, особенно когда, пожелав нам спокойной ночи и забрав лампу Анна с Гарegiном ушли, оставив нас в темноте. Не было луны, правда света от звёзд хватало, чтоб несколько рассеять мрак. Мы с отцом заняли свои места в прицепе, рядом с собой я положил заряжённое ружьё. В машине укладывались дамы. Когда они, захлопнув двери стали подымать стекла (от «шайтана»), отец пристыдил их за трусость: – «Если появится волк он в первую очередь примется за нас, а наевшись вряд ли ползет к вам». После этого стёкла были опущены. Мне же казалось, что есть более реальная опасность: над нами, вокруг нас носились в большом количестве летучие мыши. Их было меньше, пока горела лампа. Я где-то читал, что эти твари, укусив человека, заражают его вирусом бешенства. Не знаю насколько это правда. – «Ася не зря говорил про здешний воздух» – отвлек меня отец от нехороших мыслей. Было очень тепло, но не чувствовалось духоты: дышалось легко, пахло травой, полевыми цветами и, кажется даже ореховыми деревьями, раскинувшими кроны над нами.

Мы не громко разговаривали, вспоминая без удовольствия вчерашнюю ночь «на воде». Отдалённые, непривычные звуки не помешали нам крепко заснуть. Проснулись мы от шума: из-за дома, через не видный нам проход в ограде Гарегин выгонял «стадо»: двух коров, с десятка полтора овец и коз. Казалось сомнительным, чтоб два далеко не молодых человека могли управляться с таким количеством животных. Однако, потом мы убедились, что Гарегин с Анной в этом деле отлично обходились без чьей либо помощи. Только пасти это стадо они доверяли единственному соседу Ванику (с ним нас познакомили позже). Он уже стоял за оградой со своими овцами, поджидая Гарегина. Дамам потребовалась обувь. Когда они вернулись, отец одевая ботинки не громко сказал: – «Займёмся электростанцией». Но тут же из машины раздались возмущённые голоса: – «Никакой электростанции! Сейчас же едем в Горис!». «Конечно, конечно – успокоил дам отец – нам тоже осточертело постоянное переобувание». Пришла Анна с кувшином воды. Тут же около прицепа мы поплескались, поблагодарили её а когда отец спросил где же родник, она хитровато улыбнувшись ответила, что покажет потом и посоветывала не теряя время, тронуться в путь пока нет жары. Послушав её мы наспех позавтракали, подошедший Гарегин сказал, что от нас в Горис ведёт единственная дорога и заблудиться невозможно. Когда отец завёл мотор снова раздался обиженный лай.

Мне стало стыдно, что не подошёл к собаке «представиться». Утешил себя тем, что когда вернёмся сразу же пойду к ней. Мы выехали со двора, свернули налево и поехали по траве мимо стоящих на довольно большом расстоянии друг от друга домов. Всего их, не считая нашего, было восемь. С двухскатными крышами, они как и наш, небыли похожи на обычные деревенские дома. Людей около них мы не видели. – «И это называется деревня, деревня Сари?» – отец возмущенно передёрнул плечами. За последним домом мы свернули налево и какое-то время продолжали ехать по «бездорожью», подминая кусты. Казалось, из под самого капота вылетали и не долго неслись за нами встревоженные и словно возмущенные птицы неизвестных нам видов. Начался спуск. Не видя перед собой какого-либо подобия дороги, отец снизил скорость. В высокой траве трудно было вовремя увидеть даже крупные камни, не говоря о мелких. Мы ехали вниз по своеобразной лощине: слева возвышалась часть горного массива, на плоской вершине которого уместились наши дома, справа уступами тянулись невысокие зеленные холмы. Далеко за ними были видны какие-то строения. Пологий спуск закончился, стала просматриваться каменистая дорога, можно было прибавить скорость и вскоре мы въехали в небольшую деревню.

К нам спешили люди. К уже знакомым выражениям на их лицах, добавилось новое: удивление, или даже потрясение! Можно было подумать, что они никогда не видели автомобиля! Но всё прояснилось когда мы остановились. К нам подошёл, улыбаясь высокий, сухопарый пожилой человек. Отец, открыв дверь спросил его: – «Мы вас чем-то напугали?». – «Нет, только удивили – ответил тот – единственная дорога вверх проходит через нашу деревню, и не увидеть вас, проезжающих мимо, мы не могли, интересно как вы попали туда?». «Мы пошли другим путём – перефразировал отец известные слова Ленина – по старой дороге». – Человек с сомнением посмотрел на отца, потом на стоящих рядом. Чтоб не терять время и закончить разговор на эту тему, отец спросил как называется деревня. Мы узнали: – «Сари». – «А та?» – отец показал рукой. – «Верин Сари (то есть Верхнее Сари) там небольшая деревня, домов пять» – пояснил наш новый знакомый.

Когда же услышал имя Гарегина оживился: – «Это же мой старый друг, десятки лет знакомы, и с Анной и со всеми их детьми!». Мы представились друг другу, мужчину звали Серго, он заведывал деревенской школой и заодно преподавал русский язык, а когда отец упомянул Асю.. Арсена, его прямо-таки охватил восторг: – «Да я же знал их – Арсена и дядю, тоже учителя, мы с ним вместе были в Москве на Всесоюзном совещании работников образования!». (Нельзя не сказать, что подобные мероприятия в ту пору проводились регулярно). Узнав, что съездив в Горис мы вернёмся обратно, Серго, помявшись, спросил не сложно ли будет нам при-

хватить кое-что для Гарегина и Анны: – «Хотел сам понести, но если вы сможете...». Отец ответил, что для нас это не составит труда. Серго повернулся к стоящему рядом юноше, что-то сказал, тот ушел, не скоро вернулся, катя перед собой средних размеров бочёнок. Серго, несколько смущённый, посмотрел на отца: – «Вот наше вино, возьмёте?». Деваться было некуда, договорились, что возьмём этот груз на обратном пути.

Дорога от деревни до Гориса, с бесконечными спусками и подъёмами (правда пологими), с крутыми виражами нам не понравилась: решили что если без прицепа, то лучше ехать по старой дороге. Городок, до которого мы, наконец, добрались, удивил нас своими прямыми улицами, обилием зелени, чистотой. Персиковые деревья с белыми лепестками соцветий, казались присыпанными снегом. И цветы самые разнообразные, каких нам, ни мне ни отцу не приходилось видеть. Местные жители с любопытством смотрели на нас. В маленькой сельской лавке с большой вывеской «БОТИНКИ. ТУФЛИ. ГАЛЮШИ» мать с Кариной подобрали то что было нужно, тут же обулись и в восторге от того, что смогли, наконец, без сложностей ступить на твёрдую землю чуть ли не пустились в пляс. Порядком надоевший процесс переобувания закончился. Здесь же мне купили сандалии на лосевой подошве – так они назывались – и, как просил Гарегин «самые красивые тупля» для Анны. Поездив по улочкам, нашли пекарню с тоном где взяли мешок муки килограмм на 50, а заодно и свежий, ещё горячий, аппетитно пахнущий хлеб. В продовольственном магазине по-соседству купили необходимые продукты и, по моей просьбе, колбасу для собаки. Пора была возвращаться «домой» и забрать по дороге «сюрприз» для Гарегина. Когда мы подъехали к месту встречи с Серго, бочёнок лежал там же где его оставили. Рядом на этот раз никого не было. – «Народ обедает» – предположил отец. На звук сигнала появился Серго с молодым человеком. Бочёнок, казавшийся небольшим, погрузить в машину оказалось не просто. Мне пришлось с ногами забраться на сидение, чтоб освободить для него место на полу кабины.

Из-за возникшей сложности с погрузкой, Серго явно чувствовал себя виноватым, хотя отец и пытался его успокоить. Около нас собралось несколько человек. Мы по-дружески попрощались с Серго, приветливые люди пожелали нам счастливого пути, и сопровождаемые дружным лаем сбежавшихся со всех сторон собак, поехали дальше. Ехать предстояло сравнительно долго, мне пришлось терпеливо сидеть в очень неудобной позе. Начался разговор о том как будем благоустраивать на новом месте. Меня же не покидали мысли о собаке. В нашей семье почитался культ этого «друга человека» со всей любовью к нему. Так получилось, что дома такую «подругу» мы не держали. Любовь к ней была, как бы платонической. Много всего прочитали мы с Кариной про собак, но особенно дорожили книгами Джека Лондона «Джери островитянин» и «Майкл, брат Джери», посвященными им. Меня возмущало, когда, чтоб оскорбить человека его обзывали «собакой». Существуют же другие, подходящие слова! Ведь зачастую она по многим своим качествам превосходит иных людей! Мне пришло в голову, что ещё не видя собаки, только слыша далеко не злобный голос, я уже представил себе какую её увижу: большой, доброй, ласковой, возможно и весёлой. Казалось бы такие эпитеты вряд ли применимы, когда речь идёт о деревенской, сидящей на цепи, сторожевой собаке. Однако, я оказался прав как никогда!

Между тем мы уже подъезжали к дому. Нас не было почти б часов и за это время Гарегин смог соорудить одностворчатые ворота и теперь доделывал в них калитку. – «Не успел закончить до вас» – сказал он с огорчением. Но мы от души поблагодарили его и за то, что он сделал. Отец, пока не появилась Анна, передал ему туфли, мы въехали во двор. Мать и Карина весело смеясь «выпорхнули» из машины, я, прихватив колбасу, поспешил к собаке, лай которой донёсся до нас, как только мы свернули на нашу «улицу». Ясно было, что она начала лаять, услышав шум мотора.

Глава 8

Джулета

Завернув за дом я увидел то, что и ожидал: огромную кавказскую овчарку. Она кинулась ко мне, отчаянно виляя хвостом, даже поднялась на задние лапы, до предела натянув цепь. Я сделал шаг к ней и увидел ее глаза (не у всякого человека увидишь такое). Светящиеся бесконечной радостью, не побоюсь сказать, счастьем, они прямо-таки излучали любовь! В них ещё многое можно было бы прочесть! В голове пронеслось есенинское «глаза собачьи золотыми звёздами...» Не опасаясь ничего, я крепко обнял её, она упёрлась передними лапами мне в грудь, пытаясь лизнуть в лицо. Уклоняясь от этого я прижимал её к себе, гладил, нашептывал приходившие в голову ласковые слова. Вдруг до меня донёсся крик Анны: «Не подходи, разо-рвёт!». Она резво подбежала ко мне, за ней и Гарегин.

Бросился в глаза их растерянный вид. – «Вах! – сказал озадаченно Гарегин – на меня, хозяина никогда не посмотрит, а тут...». Мне было не до них, вспомнив, что у меня в руке колбаса, я поднёс её к носу собаки. Она быстро понюхала её и снова повернулась ко мне, дав понять что сейчас ей не до этого. Заинтересовавшись тем, что происходит за домом, пришла Карина. Всплеснув руками, она безцеремонно оттеснила меня, заглядывая собаке в глаза стала гладить её, тоже называя ласковыми словами, а та, будто обрадовалась, что появился ещё кто-то, кому она сможет выразить свою любовь. Гарегин и Анна обескуражено смотрели на происходящее. Чтоб привести их в «чувство» я спросил как зовут собаку. Анна ответила что Джулетой, Джулькой и, что придумала имя младшая дочь, солистка Ереванской оперы. Я вспомнил нашу школьную Далилу. «Ещё одна оперная дива» – подумалось мне. Воспользовавшись случаем Анна добавила с гордостью, что дочка поёт в опере «Армянская дева». Когда позже я спросил у родителей, что это за вещь, они дружно захохотали. Не поняв причины их неожиданного веселья, я подождал пока они успокоятся. Оказало, что на самом деле опера называлась «Орлеанская дева». Говорить Анне это не стал.

Тем временем Карина, внимательно, можно сказать профессионально, осмотрела Джулю (с самого начала мы отбросили унизительное «Джулька»), обнаружила крупных клещей, на её «бровях», и побежала за пинцетом. Долго искать его не пришлось: этот «инструмент» всегда находился у неё под рукой. Тербя густую шерсть Джули я увидел набухшие соски и спросил у всё ещё стоящего здесь Гарегина, где щенки. Он отвёл глаза и сказал, что раздал соседям. Так, как кроме Ваника ни о каких соседях мы не слышали, я понял, как поступил со щенками Гарегин и возненавидел его. Конечно, ненависть не продержалась долго. Вернулась с пинцетом Карина и приступила к операции. Опустившись на корточки, она устроила на коленях голову Джули, и ласково с ней разговаривая, начала орудовать пинцетом. Выковыривание крепко засевших клещей, конечно, было болезненным для собаки, но надо было видеть как Джуля терпеливо переносила эту процедуру и только, когда удавалось, благодарно лизала руку Карины. Анна и Гарегин, сострадаая, одобрительно кивали головой.

После этого авторитет моей сестры недостижимо поднялся и когда в редких случаях у Анны или Гарегина ухудшалось самочувствие, они обращались за помощью к Карине. Пока мы были около Джули, подошли раздражённые отец с матерью: нужно было заняться массой дел, а мы с сестрой... Но увидев собаку и то, что с ней делает Карина, не только замолчали, но пристроившись на корточках около Джули, и посчитав, что она нуждается в моральной поддержке, стали ласково гладить её и подбадривать словами. Джуля сразу оценила добро: не двигая головой, чтоб не помешать «хирургу», она переводила взгляд то на мать, то на отца и благодарила их лёгким движением хвоста. Когда операция закончилась и Карина с важным видом поднялась, Джуля, освобождённая от донимавших её клещей, вскочила на ноги, запрыгала около Карины

и несколько раз облизала ей лицо. Вряд ли после несложной операции человек кинулся бы целовать хирурга. Но, конечно, нас ждали неотложные дела. Я опять поднёс к носу Джули колбасу, и когда она занялась ею, мы тихо ушли. Предстояло «расконсервировать» дом. Поездка в Горис отняла не мало времени. Надежды на то, что удастся провести ночь в доме небыло, да это нас и не тревожило. Надо сказать, что на этом, огороженном и не малых размеров участке земли многое у нас вызывало удивление. Например, наш дом, сложенный из розового туфа. Крупные блоки из этого пористого камня в большом количестве нужно было доставить сюда издалека. Какой труд при этом затрачивался? Отец предположил что здесь использовался опыт строителей египетских пирамид. Гарегин сказал, что дом строился три года. Как бы то ни было, нужно было приводить его в жилой вид. Много нам помогал Гарегин. Своим «мачете» он очистил веранду от винограда. Ветки, пока за ним не ухаживали, разрослись, густо переплелись и почти не пропускали свет в дом. Кстати, они были как бы «обсыпанные» засохшими и засахарившимися ягодами. Это был изюм, между делом Карина наполнила им не большой мешок. Чай можно было пить «вприкуску» с изюмом.

Гарегин, сделав свое дело, забрал оставленный на столе бочёнок – подарок Серго (чему обрадовался), сказал что откроет его когда мы окончательно переберёмся в дом и ушёл. Очень удачно он вернулся за мешком с мукой. Мы собрались на веранде, отец с ключём подошел к первой считая от лестницы, двери (всего их было три), вставил без затруднений ключ, щёлкнул им, дёрнул за ручку дверь, но та не открылась. Попробывал основательней поработать ключём, успеха не добился и решился на крайнюю меру: упёршись ногой в дверную коробку, крепче ухватившись за ручку с силой её дёрнул. В итоге она с громким треском оторвалась от двери, отец, держа её в руке, отлетел в сторону, сшиб стоявшую за его спиной мать и если бы не Гарегин, подымавшийся по лестнице на шум и успевший её подхватить, трагедии было бы не избежать! За те мгновения, когда всё это произошло мы с Кариной, стоявшие с обеих сторон около отца, ни как не смогли бы удержать мать! Хотя Гарегин беззаботно рассмеялся – нам было вовсе не до смеха, особенно матери. Отец растерянно смотрел на неё, как бы прося прощения, за происшедшее. При этом он продолжал сжимать в кулаке злополучную ручку. Гарегин, между тем подошел к двери, легонько её толкнул, она открылась! Открылась внутрь! Мы, особенно отец, были посрамлены! К чести Гарегина, он ни как не прореагировал на случившееся.

В комнате было душно, чувствовался запах запущенного помещения, в котором годами никто не жил. Из двух окон – одно слева в торце дома, второе в стене напротив двери – струился яркий солнечный свет, поднятая нами пыль медленно плавала в солнечных лучах. Отец распахнул оба окна. Между тем, наступило время обеда, а работать в доме лучше было на сытый желудок. Пока родители раскладывали еду на столе под деревом, на соседнем две сороки внимательно следили за ними. Выбрав удачный момент одна из них сумела унести хороший кусок мяса, чуть ли не из самых рук матери, не успевшей даже ахнуть. Этот кусок я сам собирался незаметно утащить и отдать Джуле! Надо было проучить проказниц! Сбегав за ружьём, и предупредив всех, что только попугаю птиц, я навёл на них свой карабин. Удивительно, но они, сидя на недостижимой высоте явно забеспокоились. Пока птицы не улетели, я прицелился в ближайший сук и выстрелил. Сороки исчезли! Посыпались щепки. Тут же громко залаяла Джуля, может быть она никогда и не слышала подобного звука. Мы с Кариной побежали к ней, причём сестре как-то удалось прихватить угощение для неё. Наверно, каждый собаковод считает, что его собака лучше любых других. И мы с Кариной не стали исключением, всё больше и больше узнавая Джулю.

Станным казалось, только то, что к хозяйевам она относилась совершенно равнодушно, словно всю свою любовь отдала нам. Чувствуя это, Гарегин демонстративно перестал замечать свою собаку, и постепенно заботиться о Джуле, кормить её стали мы с Кариной, что ни как нельзя было назвать трудным делом. Родители смотрели на это одобрительно. Мы собрались

обедать. Где помыть руки, показала нам Анна. К ней подоспел и Гарегин, причём оба почему-то загадочно улыбались. Около их дома, под навесом, на каменном основании стоял внушительных размеров бак, в который по металлической трубе, очевидно, подавалась вода. Откуда она могла взяться было непонятно. А когда к нам подошли отец с матерью, то Гарегин с особой гордостью открыл этот секрет, объяснив, что их старший сын пробурил землю на глубину больше 200 метров и воду они получают оттуда. Сказав это, он взялся за рычаг на трубе, несколько раз его качнул и в баке «забулькало». Можно было усомниться насчёт 200 метров, но проблема с водой была решена отлично, так и сказал отец. И Гарегин и Анна остались довольны произведённым на нас впечатлением! В нижней части бака был «кухонный» кран, под ним раковина, от которой грязная вода по трубе, проложенной в земле утекала за ограду.

После обеда, если так можно назвать нашу «походную» еду, мы пошли в дом. В двух его жилых комнатах (третья – не жилая: кухня), было четыре «спартанские», железные кровати. Столов не было. Стулья стояли на веранде. Гарегин показал как обходились без стола родственники Аси: вдоль всей веранды на крепких петлях была укреплена, сколоченная из нескольких широких и длинных досок панель. На время обеда, или в других случаях её подымали в горизонтальное положение. Под нею так же на петлях и поэтому складывающиеся, находились три деревянных, квадратного сечения бруска. Подняв панель, поворачивали бруски, превращая их в три ножки своеобразного стола. В «нерабочем» положении панель просто висела на петлях, прислонённая к перилам. Конструкция нам показалась очень удобной. За таким столом могло, не мешая друг другу разместиться с десятков обедающих, в другое время стол, фактически не занимал места, а вся посуда и всё со стола убиралось в небольшую кухню, с дверью выходящей на веранду. В доме, таким образом, было на редкость просторно. Теперь настало время придать ему жилой вид. Помочь нам с этим пришли и Анна с Гарegiном.

Нельзя не сказать об этих людях: доброжелательные, бесконечно отзывчивые, всегда находившие повод хоть чем-то помочь, они с самого начала отнеслись к нам, как к близким родственникам, а уж к Карине просто, как к любимой внучке. Отцу частенько приходилось ездить в Горис по разным причинам. Почти всегда с ним охотно ехал Гарегин а иногда и Анна. Несколько раз отец возил их в Ереван. Теперь они, как и отец с матерью энергично соскребали со стен комнаты старую краску и висящие лохмотьями остатки обоев. С потолка сыпалась штукатурка, а заодно гроздьями всевозможные насекомые, в основном засохшие. Требовалось обработать и другую, смежную комнату, дверь между комнатами была открыта, окно распахнуто. Из открытой на веранду двери второй комнаты струился ветерок. От не большого сквозняка по комнатам плавали облака пыли, нас с Кариной отправили на свежий воздух. Не мало времени мы провели с Джулей, уйти от неё было не протом: громадной своей пастью она хватала меня или Карину за руку, причём так осторожно, что мы не чувствовали зубов, и сияя заглядывала нам в глаза, словно прося побыть рядом.

Мне удалось оставить с ней Карину и бесшумно уйти. Естественно, хотелось всё осмотреть, например сарай, стоящий между домом и оградой. У него было два окна, прикрытых чем-то вроде ставень, которые я без труда раздвинул, и заглянув внутрь увидел аккуратно сложенные друг на друга доски, лопаты, грабли, другой инвентарь, какие-то инструменты. Всем этим, как убеждал нас Ася, мы могли пользоваться. Помня эти слова, я попытался открыть дверь сарая, она была не заперта. Просунув ладонь в щель между дверным проёмом и дверью я смог её сдвинуть с места с большим трудом, так как нижней частью она упиралась в землю: за долгие годы сарай мог «осесть». Однако, используя не совсем удачный опыт отца, я поступил так же: упёрся ногой в проем и несколько раз с силой потянул дверь. Удалось её приоткрыть сантиметров на 40, может на пол метра. И вдруг из сарая, из-под моей поднятой ноги пулей проскочило какое-то существо, чуть покрупнее небольшой собаки, и свернув за угол, исчезло! Я даже не попытался погнаться за ним: дело было бы явно безнадежно. Подошла Карина, любовно расставшаяся с Джулей, и выслушав меня, безапелляционно, как она умела, заявила, что

скорее всего это был искавший мать медвеженок. Спорить с сестрой не стал. Мы отошли от сарая, ешив посмотреть, как идут дела в доме. Сделали несколько шагов и случайно избежали большой неприятности: Карина вовремя увидела в высокой траве тоннир. Ещё немного – она свалилась бы туда! В глубокий каменный колодец! Хорошо если б отделалась только ушибами! Из этого мы сделали вывод, что нужно внимательнее смотреть под ноги, идя по высокой траве, а ещё лучше скосить её. Карина, однако, обрадовалась: «Будем сами печь хлеб!». (Подумалось, хорошо если эти хвастливые слова не слышала Анна).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.